МОСКОВСКІЯ ПИСЬМА.

ПО ПОВОДУ

ПРЕДЛОЖЕНІЙ, СДѢЛАННЫХЪ

Н. А. БЕЗОБРАЗОВЫМЪ МОСКОВСКОМУ

ДВОРЯНСТВУ.

ИЗДАЛЪ

А..... Я.....

БЕРЛИНЪ 1863.

B. BEHR'S BUCHHANDLUNG,

(E. BOCK)

27, UNTER DEN LINDEN.

2 шк
М

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
3956
28

Оглавленіе.

стр.

Отъ издателя . . . . . .

1) Письмо Мих. Петр.ча Погодина Ник. Алексан.чу Безобразову 1

2) Письмо П. А. Новикова Мих. Петр.чу Погодину 14

3) Отвѣтъ Мих. Петр.ча Погодина П. А. Новикову 31

4) Разборъ сихъ трехъ писемъ, З. Н. П. . . . .

5) Письмо Гжи А. Н. Мих. Петр.чу Погодину . . 80

6) Письмо *неизвѣстнаго*: о Собраніи Московскаго Дворянства, 23го Января 1862го г. — 88

Отъ издателя.

Предложенія, сдѣланныя Н. А. Безобразовымъ, Собранію Московскаго Дворянства въ теченіе минувшаго Января, произвели сильное впечатлѣніе на слушателей, а въ послѣдствіи на читателей по распространившимся спискамъ. Возбужденные толки и пренія вызвали письменное состязаніе, въ которомъ приняли участіе лица даровитыя и извѣстныя. Я собралъ замѣчательнѣйшія по этому предмету рукописи, и издаю ихъ съ вѣдома сочинителей. Письма эти не безъ занимательности, въ томъ преимущественно смыслѣ, что въ нихъ, по вопросу о преобразованіи сельскихъ у насъ помѣстныхъ отношеній, обнаруживаются основныя воззрѣнія двухъ сторонъ: ревнителей нововведеній, и поборниковъ коренныхъ началъ собственной нашей гражданской жизни.

А. Я.

Москва, 1го Авг. 1862 г.

Я положилъ бѣлый шаръ при балотировкѣ, впрочемъ, излишней, о допущеніи Вашего мнѣнія къ обсужденію; но откровенно Вамъ скажу, положилъ бы черный, самый черный, если бы вопросъ шелъ объ одобреніи.

Какъ ни вѣрны нѣкоторыя Ваши положенія, какъ ни основательны нѣкоторые выводы, какъ ни блистательны нѣкоторые обороты, но еслибъ принять Ваши заключенія въ настоящемъ видѣ, то . . . то . . . какое выраженіе прибрать бы мнѣ по легче, по мягче, по умѣреннѣе — то ближайшія, неминуемыя послѣдствія заставили бы Васъ прежде всѣхъ отъ нихъ съ ужасомъ отказаться.

Я не стану входить теперь въ разборъ ни частностей, ни общихъ положеній, чтобъ не подать повода къ спору, для котораго теперь нѣтъ ни мѣста, ни времени. Чего нельзя сказать и pro и contra? La parole est élastique, — вотъ, почему я допускаю ваши положенія; — видите, какъ я умѣренъ; принимаю вещи, какъ они теперь на всемъ пространствѣ Россіи обрѣтаются, и спрашиваю Васъ по совѣсти:

Что было-бы, еслибъ, послѣ перваго объявленія объ улучшеніи быта крестьянъ, „Положенія“ были сочинены по мнѣнію бывшаго большинства, или, по Вашему идеалу? Если настоящія поло-

женія подавали и подаютъ поводъ къ такимъ несчастнымъ столкновеніямъ, къ такимъ плачевнымъ недоразумѣніямъ, то что̀ сказали-бы крестьяне, получивъ послѣ долговременнаго ожиданія, послѣ торжественнаго обѣщанія, то же крѣпостное право съ нѣкоторыми тонкими и отвлеченными измѣненіями?

Да и теперь, если Правительство и Дворянство не примутъ мѣръ, чтобъ до истеченія двухъ лѣтняго срока порѣшить всѣ отношенія между помѣщиками и крестьянами, окончательно, хорошаго ожидать нельзя.

Слѣдовательно, въ такомъ напряженномъ состояніи, въ такомъ настроеніи народнаго духа, подать какой-бы то ни было поводъ къ мысли, — не только о возвращеніи къ старому порядку вещей, но даже къ направленію, къ покушенію въ этомъ родѣ, словомъ, ступить хоть одинъ шагъ назадъ, въ высшей степени и дерзко и опасно! Никто не осмѣлится принять на себя отвѣтственность, никто, если не начиная, то, по крайней мѣрѣ, оканчивая Вами.

Позвольте мнѣ употребить простую пословицу: что съ возу упало, то пропало! Подбирать нечего; оно все уже расхватано, и расхватано по рукамъ, въ которыхъ стиснуто крѣпко. Слѣдовательно,

надо думать только, какъ сохранить остальное и какъ вознаградить потерянное.

Вы твердо стоите на принадлежности помѣщикамъ земли. Я соглашусь съ Вами; но не странно ли слышать споръ о землѣ въ Россіи, которая заключаетъ безконечныя пустыя пространства и можетъ прокормить народонаселеніе въ десять, въ двадцать, во сто разъ многочисленнѣйшее; не странно ли слышать, говорю, въ Россіи, которая предлагаетъ даромъ свои земли всякимъ капиталистамъ и нѣмцамъ, и жидамъ, и татарамъ, и жителямъ Ангальтъ-Кетенскаго, Мекленбургъ-Шверинскаго, и Шварцбургъ-Рудольштатскаго Герцогства! Не странно ли слышать споръ о землѣ, когда читаемъ во всякихъ газетахъ о пожалованіи пяти, десяти, двадцати тысячь десятинъ въ черноземныхъ губерніяхъ различнымъ сановникамъ и чиновникамъ? — Мы предлагаемъ землю всѣмъ, а крестьянамъ, которые намъ обработывали ее столько лѣтъ мы откажемъ въ какихъ-нибудь лоскуткахъ. Не грѣшно ли это будетъ! Почему откажемъ? Потому что въ своемъ раздольѣ не умѣемъ размѣститься! Въ Европѣ живутъ по пяти тысячь человѣкъ на квадратную милю, ухитряются на обухѣ рожь молотить, а намъ тѣсно съ нѣсколькими десятками. Не стыдно ли это!

Вы скажете: ну пусть Правительство и отдаетъ крестьянамъ свою землю, а наша должна оставаться въ нашемъ владѣніи.

А что, если бы Правительство поступило въ самомъ-дѣлѣ такъ, и приготовило для крестьянъ заблаговременно свои отхожія пустоши, то что стали бы вы дѣлать одни съ своимъ черноземомъ? Вы пришли бы въ положеніе того древняго царя, который утопалъ по горло въ золотѣ, а ѣсть ему было нечего.

Нѣтъ, повѣрьте, что лучше оставить крестьянъ на своихъ мѣстахъ съ уступленною имъ за полное вознагражденіе землею, и они будутъ со временемъ приносить вамъ прежнюю пользу, но на другихъ основаніяхъ, о которыхъ собственно теперь и должна быть рѣчь.

Вы опираетесь преимущественно на Дворянской грамотѣ; но неужели дворянская грамота есть тотъ предѣлъ „его же не прейдеши“. Вспомнимъ, что ей минуло сто лѣтъ. Почему же не быть нынѣ грамотѣ для крестьянъ, для купцовъ, для духовныхъ? Почему не быть наконецъ Всероссійской грамотѣ? Если въ сосѣднихъ намъ Молдавіи и Валахіи какой-то Князь Куца толкуетъ о расширеніи органическаго статута, за нѣсколько лѣтъ нами же даннаго, если Фуадъ-Паша въ нынѣшнихъ га-

зетахъ представляетъ проекты о преобразованіи бюджета Турецкаго, если Египетъ прорѣзывается новыми каналами и надѣляется новыми постановленіями, если самъ неподвижный Китай, живущій не тысяча, а нѣсколько тысячь лѣтъ, подвигнулся, то неужели мы одни должны оставаться постоянно въ предѣлахъ грамоты Импер. Петра III^го^, или Императрицы Екатерины II^й^? Дворянская грамота совершила свое дѣло. Поклонимся ей съ честію, и примемъ съ благодарностію приступъ Правительства къ новымъ мѣрамъ, коихъ настоятельно требуетъ время и наше положеніе въ Европѣ. Дворянская грамота — это парчевая риза; но во сто лѣтъ она значительно потерлась, износилась и обветшала. Никакой искуственной подкладкой, ни какими цвѣтными заплатами возстановить ее нельзя. Надо строить, говоря по церковному, новыя ризы; а изъ какихъ тканей, — не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ собраніи заявлены образцы уѣздами: Подольскимъ, Коломенскимъ, Звѣнигородскимъ и проч.

Мнѣ остается сказать о томъ вліяніи дворянства на прочія сословія, которое оно теперь, по вашему мнѣнію, потерять должно. Вы напрасно безпокоитесь и опасаетесь. Изъ Русской исторіи дворянской службы вычеркнуть нельзя: и Безобразовы и Головины и Воейковы и Валуевы, и

Бахметевы и Тучковы и Голицины и Долгорукіе, записали тамъ свои имена неизгладимыми буквами и заслужили себѣ вѣчную память. По своему образованію, развитію, владѣнію, богатству, значенію, преданію, службѣ, настоящее дворянство останется на долго передовымъ сословіемъ и этого вліянія никакими постановленіями, тоже какъ никакими возраженіями, никакими мнѣніями уничтожить никому на свѣтѣ нельзя; а если прочія сословія когда-нибудь съ ними сравняются, то такому преуспѣянію дворянство должно радоваться и оно, разумѣется, будетъ радоваться.

Вы говорите, что уничтоженіе крѣпостнаго права должно было быть произведено иначе. Я согласенъ съ Вами, хоть можетъ-быть *иначе* разумѣю не такъ какъ Вы, но что прикажете дѣлать. Исторія имѣетъ собственную свою лабораторію; а русская такъ и собственно свою логику, которую понять вдругъ бываетъ очень трудно. Наукѣ предлежитъ розыскать и опредѣлить впослѣдствіи ея таинственныя пружины. Теперь — некогда, теперь вмѣсто всякихъ философскихъ отвлеченныхъ разсужденій, вмѣсто всякихъ историческихъ изслѣдованій, вмѣсто всякихъ юридическихъ толкованій о началахъ, нужно свести концы, и принявъ дѣло, какъ оно есть въ натурѣ, порѣшить его какъ можно спокойнѣе и

удовлетворительнѣе для всѣхъ сторонъ, вывести помѣщиковъ изъ того затруднительнаго положенія, въ коемъ они именно на эту переходную пору находятся и вознаградить ихъ за все потерянное, чтобъ, если улучшится бытъ крестьянъ, не ухудшился бытъ дворянъ. Противъ такого вознагражденія никакая лѣвая сторона ни одного слова произнести не осмѣлится, Для этого, что̀ нужно? — Для этого нужна искренность, которой Вы подали прекрасный примѣръ. Нужна терпимость, чтобъ всякой могъ свободно выражать свое мнѣніе, не подвергаясь никакой опасности; нужна наконецъ готовность сознаваться въ своихъ ошибкахъ. Ошибки — принадлежность человѣческой природы. Ошибаются и ошибались всѣ правительства. Въ Европѣ одинъ только былъ человѣкъ, который вѣка считался непогрѣшительнымъ; — это Римскій Папа, но и тотъ удостовѣряется со всякимъ днемъ, что правительство его было всѣхъ хуже. У насъ только должностныя лица имѣютъ несчастіе думать по прежнему, что ничто не укрывается отъ ихъ всеобъемлющей прозорливости, пока они сидятъ на курульскихъ своихъ креслахъ, между тѣмъ какъ именно тогда, не только дальный горизонтъ, но и ближайшая окружность покрывается для нихъ густымъ, непроницаемымъ туманомъ. Они считаютъ

всякое несогласное съ ними мнѣніе униженіемъ ихъ достоинства, нарушеніемъ права и личнымъ оскорбленіемъ, которое должно судить на равнѣ съ уголовнымъ преступленіемъ; и это есть одна изъ важныхъ причинъ, почему многіе мудреные наши вопросы остаются безъ рѣшенія, многія вопіющія несправедливости, очевидныя неудобства безъ исправленія.

Хотите ли Вы знать мое простое мнѣніе о настоящемъ нашемъ положеніи, сколько я могу судить прислушиваясь внимательно впродолженіе недѣли къ различнымъ толкамъ въ собраніи? Я изложилъ его въ краткой запискѣ, которая при семъ прилагается

М. Погодинъ.

Янв. 12.
1862 го года.

По общему наблюденію, крестьяне повсемѣстно исполняютъ свои обязанности нерадиво, подписываютъ Уставныя грамоты не охотно, или вовсе отказываются. По большой части они недовольны нетолько самымъ добросовѣстнымъ и точнымъ исполненіемъ „Положеній“ со стороны помѣщиковъ, но даже не цѣнятъ надлежащимъ образомъ никакихъ облегченій, снисхожденій, выгодъ, предлалаемыхъ

имъ сверхъ закона. Ни барщина самая легкая, ни оброкъ самый умѣренный, не соотвѣтствуютъ въ ихъ понятіяхъ ожидаемой ими свободѣ. — Въ этомъ смыслѣ, они не придаютъ, какъ кажется, никакой понудительной силы Уст. грамотамъ, питая надежду какъ нибудь и когда нибудь отбыть отъ налагаемыхъ нынѣ обязанностей; однимъ словомъ они желаютъ сдѣлаться свободными безъ малѣйшихъ отношеній къ помѣщикамъ и всякое замедленіе въ исполненіи такого желанія приписываютъ недостатку въ доброй волѣ у помѣщиковъ, за что питаютъ противъ нихъ неблагопріятныя чувства. Никакой нѣтъ надежды, чтобы дѣла въ этомъ отношеніи пошли лучше, а напротивъ, есть основательныя причины опасаться, что они пойдутъ хуже и будутъ подавать поводы къ явленіямъ не утѣшительнымъ. Эта-то неопредѣленность, неизвѣстность смущаетъ духъ и мѣшаетъ успѣшному ходу всѣхъ дѣлъ.

Среди неясныхъ ожиданій, крестьяне не принимаются усердно за дѣло, откладываютъ все до будущаго времени и своимъ бездѣйствіемъ, косностію, приносятъ вредъ не только помѣщикамъ, но и себѣ и общественному хозяйству.

Помѣщики, отъ неопредѣленности и неизвѣстности, терпятъ несравненно болѣе и рѣшительно

не знаютъ своего вообще положенія въ самомъ близкомъ будущемъ, не знаютъ что имѣютъ, что могутъ издерживать и что оставлять своимъ дѣтямъ, не могутъ принимать никакихъ мѣръ, чтобы пускать новое хозяйство въ ходъ и должны безпрестанно опасаться, чтобы не случилось еще чего хуже, завися ежеминутно отъ недоразумѣній, случайностей, столько обыкновенныхъ у народа въ подобномъ настроеніи, чему уже было много несчастныхъ примѣровъ.

Въ такомъ положеніи дѣла, по тщательномъ, безпристрастномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, оказывается необходимымъ покончить немедленно всѣ прежнія отношенія у помѣщиковъ съ крестьянами и разлучить ихъ экономически и юридически впредь до новаго добровольнаго, при взаимной нуждѣ, соглашенія ихъ между собою.

Крестьянамъ предоставить ихъ настоящіе опредѣленные „Положеніями“ надѣлы во всегдашнее пользованіе безъ всякихъ отношеній къ помѣщикамъ, безъ оброка и барщины, съ платою въ казну воловой подати, какую заблагоразсудится назначить правительству.

Помѣщикамъ выдать единовременно всю слѣдующую по сдѣланнымъ уже въ „Положеніяхъ“ оцѣнкамъ и расчетамъ сумму, какими угодно госу-

дарственными обязательствами, или облигаціями, кои ходили бы въ оборотѣ наравнѣ съ прочими кредитными бугагами безъ всякихъ процентовъ, предполагаемыхъ нынѣшнимъ выкупнымъ проектомъ, къ ненужному отягощенію правительства.

Эти бумаги понижаться въ цѣнѣ не могутъ, обезпечиваясь собственно землею, теперь къ крестьянамъ отходящею и постепенно вынимаясь изъ употребленія, погашаясь соразмѣрно общей государств. подати, по расчету нынѣшняго ежегоднаго слѣдующаго помѣщикамъ оброка.

Онѣ вынутся такимъ образомъ въ продолженіи того времени, которое теперь назначается на выкупную операцію. Впрочемъ, правительство всегда будетъ имѣть средства въ своемъ распоряженіи поддерживать неизмѣнную цѣнность этихъ земскихъ бумагъ.

При ощутительномъ нынѣ недостаткѣ во всякихъ денежныхъ знакахъ и при настоящей необходимости приступить къ проведенію желѣзныхъ дорогъ, на примѣръ изъ Москвы въ Крымъ и отъ Камы до Оби, обѣщающихъ великія несомнѣнныя выгоды и требующихъ значительныхъ капиталовъ, земскія облигаціи, удовлетворивъ помѣщиковъ, успокоивъ крестьянъ, облегчивъ правительство, развязавъ всѣмъ руки, сдѣлаются не только не отяготительнымъ бременемъ для государства, но обильнымъ

источникомъ новаго богатства Россіи, сильнымъ средствомъ къ возбужденію ея силъ, надежнымъ условіемъ общаго благосостоянія.

Помѣщики, опредѣливъ, хотя отчасти, полученныя ими суммы на устройство желѣзныхъ дорогъ, составивъ между собою особыя общества по своимъ губерніямъ, будутъ непремѣнно получать съ нихъ вскорѣ лучшіе проценты, чѣмъ получали съ уступленной земли, даже съ крѣпостнымъ трудомъ; обезпеченіе крестьянскихъ недоимокъ для правительства — въ тѣхъ же работахъ.

Съ другой стороны, помѣщики и крестьяне по отстраненіи отъ нихъ всѣхъ поводовъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ, спорамъ, обидамъ и несправедливостямъ, войдутъ между собою, при обоюдной нуждѣ въ новыя отношенія, полюбовныя сдѣлки и тѣмъ положатъ основаніе новому сельскому праву, новому порядку вещей, порядку мира и взаимной пользы.

Эти основанія слѣдуетъ, кажется, Московскому Дворянству изложить въ всеподданнѣйшей просьбѣ на имя Государя Императора, придавъ ей самую строгую законную форму, да и ограничиться ею на время нынѣшнихъ собраній, ибо, безъ рѣшенія насущнаго вопроса по крестьянскому дѣлу, другія разсужденія будутъ строиться на пескѣ.

М. Погодинъ.

Милостивый Государь,

Михаилъ Петровичъ.

Приступая къ возраженію на предложеніе Г. Безобразова: „О дальнѣйшемъ приведеніи въ дѣйствіе новаго положенія о помѣстныхъ крестьянахъ“, Вы признаете свободное, искреннее выраженіе мыслей за единственный способъ „разъяснить дѣло и застраховать его отъ односторонности“. — Обращаясь къ Вамъ, я отвѣчаю на этотъ благородный вызовъ.

Вы говорите, что положили бѣлый шаръ на допущеніе предложенія Безобразова къ обсужденію, но положили бы черный, если бы вопросъ шелъ объ одобреніи; слѣдовательно вы уже готовились къ осужденію его мнѣнія. — Я положилъ бы шаръ бѣлый и въ томъ и другомъ случаѣ, если бы предположено было, какъ и слѣдовало, разобрать подробно его заключительныя статьи, противъ которыхъ я въ частности готовъ былъ бы и возра-

зить. — И такъ Вы видите, что мы начинаемъ борьбу изъ совершенно враждебныхъ лагерей.

Схвачу еще одну черту личнаго Вашего положенія. Вы не были въ собраніи, когда Безобразовъ читалъ, или, лучше сказать импровизировалъ свое предложеніе. Вы не были свидѣтелемъ того общаго восторга, которымъ отвѣчали ему болѣе нежели 198 *) голосовъ: я убѣжденъ въ томъ, что въ этотъ моментъ сочувствовали ему многіе, положившіе на другой день шаръ на лѣво. (Здѣсь не мѣсто и не время объяснять почему). — Вы не были разстроганы этимъ увлекающимъ голосомъ убѣжденія, которое высказывалось ораторомъ въ каждомъ его словѣ. — Вы не слились въ эту минуту въ одномъ общемъ Вамъ обоимъ чувствѣ, горячей любви къ отчизнѣ и благороднымъ ея преданіямъ.

Я знаю Васъ, и смѣло думаю, что это отозвалось-бы въ вашемъ холодномъ и, по видимому, практичномъ воззрѣніи на мысль и цѣль автора предложенія: *о дальнѣйшемъ приведеніи въ дѣйствіе новаго положенія о помѣстныхъ крестьянахъ.*

На Васъ, кажется, безотчетно но метко по-

*) Число одобрительныхъ шаровъ его мнѣнія.

дѣйствовало вліяніе слившихся въ общій говоръ сужденій людей пристрастныхъ, или поверхностныхъ о Безобразовѣ. Онъ *крѣпостникъ*, восклицали одни; онъ *отсталый* говорили другіе; онъ *недовольный*, шептали третьи; онъ *фанатикъ* заключали снисходительные. — Я сужу Безобразова не по личнымъ отношеніямъ, но по его творенію, какъ и Вы, и думаю: онъ не первое, не второе и не третье. Четвертое простимъ ему, если таковъ приговоръ холоднаго разсудка. Это свойство нѣсколько извинительно, когда дѣло идетъ о рѣшительномъ to be — or not to be, благоденствію отечества.

Что же выражаетъ, спросите Вы предложеніе Безобразова? — По мнѣнію моему, оно выражаетъ положеніе человѣка, который, увлеченный вмѣстѣ съ Вами потокомъ событій, хочетъ остановиться и отдать себѣ отчетъ въ пройденномъ пути. Онъ бросаетъ обратный взглядъ на прошедшее, чтобы сознательно взглянуть потомъ на будущее. Этотъ взглядъ всеобъемлющій, какъ идея, не останавливается съ односторонностію предубѣжденія, какъ Вы полагаете, на томъ или другомъ годѣ, будь это 1861, 1857; будь это годъ жалованной грамоты или даже всякій другой историческій. Это взглядъ сдержанности, самосознанія, ищущій точки опоры, дабы вѣрнѣе занести шагъ въ область будущаго. —

И вы, Михаилъ Петровичь, и Безобразовъ, въ моментъ вашего состязанія, стоите на одной и той же точкѣ отправленія. Передъ вами великій, совершившійся фактъ.... Передъ вами, одно сословіе, сдвинутое съ своего крѣпкаго, вѣковаго основанія; другое — въ пеленахъ, едва возраждающееся къ новой, темной для него жизни. — За вами — бездна, взрытая міровымъ событіемъ между прошедшимъ и будущимъ. Вы оба поражены торжественностію мгновенія — вы оба ищете путеводной звѣзды для дальнѣйшаго продолженія пути. Въ чемъ же разница? Вотъ она. Безобразовъ видитъ бездну, какъ и Вы, но мечтаетъ о возможности связать черезъ нее прошедшее съ будущимъ, какою-либо органическою связью. Вы, напротивъ, принимая этотъ разрывъ за окончательный, идете безбоязненно въ туманную даль, призывая на помощь новыя средства, новыхъ дѣятелей. —

Вы спрашиваете, „что было бы, еслибы, послѣ объявленія объ улучшеніи быта крестьянъ, Положенія были сочинены по мнѣнію большинства, или по идеалу Безобразова?“

Признаюсь Вамъ, что вопрошеніе: *Что было бы?* я никогда не принималъ за основательное. Историческіе выводы a priori не всегда вѣрны. Логической послѣдовательности фактовъ становятся

часто на перекоръ обстоятельства не предвидѣнныя и, по-своему усложняютъ, или упрощаютъ вопросъ. Особенно въ наше время играетъ важную роль то, что французы называютъ l'imprévu. Что было бы? спрашиваете Вы. — Я, въ свою очередь, спрошу Васъ, если позволите: что будетъ? Что будетъ если мы примемся строить себѣ „новыя ризы изъ тканей по образцамъ уѣздовъ Звенигородскаго, Подольскаго и пр?“

Что было бы? .... и Вы не пріискиваете выраженія для тѣхъ грозныхъ послѣдствій, которыхъ ожидали бы отъ всякаго исхода дѣла, противоположнаго сколько-нибудь нынѣ совершившемуся ..... Позвольте мнѣ помочь Вамъ отвѣчать на это: что было бы?

Великій актъ дарованія личныхъ правъ независимости отъ произвола двадцати милліонамъ народа совершился бы торжественно. Принципъ правъ собственности остался бы не затронутымъ и не былъ бы данъ грозному будущему поучительный задатокъ произвольнаго нарушенія этихъ правъ. — Дворянство, сословіе по примуществу служащее опорою монархическому началу, сохранило бы свое вѣковое значеніе и нужную для Государства силу. — Сословіе крестьянъ, ожившее для самобытнаго существованія, внесло бы новый, живый элементъ

въ Государственную жизнь. — Между обоими сословіями всѣ поземельныя отношенія разрѣшились бы мирно, путемъ полюбовнаго соглашенія. — Стражемъ противъ посягательства однаго на права другаго поставлены бы были мировыя учрежденія, дѣйствующія по законоположенію, кратко, ясно и языкомъ народнымъ выраженному, слѣдовательно для всѣхъ понятному и безъ всякихъ лазеекъ для преступныхъ домогательствъ на популярность, на насиліе, или обманъ. — Государственное хозяйство не потерпѣло бы урона, которымъ угрожаютъ ему неубранныя жатвы, незасѣянныя поля, возникающая страшная черезполосица, толпы раззоренныхъ семействъ и, болѣе всего, разнузданная толпа, не понимающая ни правъ, ни обязанностей своихъ. — Вотъ что было бы. — Ожидаю вашихъ возраженій. —

Что будетъ? — Не видимъ ли мы уже образчикъ этого будущаго? Что скажете, Вы, на примѣръ о событіяхъ Тверскихъ? Не напоминаютъ-ли они вамъ чего-нибудь другаго, гораздо прежде того случившагося и отозвавшагося потомъ въ кровавыхъ страницахъ на лѣтописяхъ человѣчества? Но не будемъ указывать на крайности.

Вы говорите о предложеніяхъ Звенигородскомъ, Подольскомъ и пр. Они, сколько намъ извѣстно, имѣли свои отголоски и въ другихъ Губернскихъ

дворянскихъ собраніяхъ. Разсмотримъ, сколько возможно короче, какъ высказала ся потребность чрезвычайныхъ мѣръ, намъ предлагаемыхъ. — Знаемъ, что они не исходятъ отъ правительственной власти. — Правительство, сознавая необходимость вдохнуть въ предначертанія свои живую струю народнаго мышленія, обратилось къ кому? Оно обратилось сперва къ Литературѣ, т. е. къ кружку избранныхъ представителей науки и вообще образованности. — Какъ отозвалась Литература на этотъ призывъ, — объ этомъ не станемъ говорить теперь. Скажемъ только съ сожалѣніемъ, что она кажется монополизировала гласность въ пользу однихъ крайнихъ мнѣній, отчего мало выработала полезнаго, истиннаго и практичнаго.

Потомъ Правительство обратилось къ Дворянству, вѣроятно какъ къ сословію преимущественно заинтересованному въ современныхъ вопросахъ и притомъ сосредоточивающему въ себѣ наиболѣе вѣрныхъ задатковъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ. Обратилось ли оно къ прочимъ сословіямъ, на ряду съ этимъ? Нѣтъ! — Я хочу этимъ сказать только то, что потребность предлагаемыхъ упомянутыми мнѣніями мѣръ — высказалась въ обществѣ не путемъ правительственной бюрократіи. — Съ другой стороны нѣтъ никакого также

факта, доказывающаго подобное требованіе отъ лица народа, или тѣхъ сословій, которыхъ соединенія желаютъ Звенигородскіе, Подольскіе и прочіе того рода мыслители.

Откуда же взялась мысль о созваніи Земскихъ Думъ, Коммиссій соединенныхъ сословій, объ отреченіи Дворянства отъ всѣхъ своихъ правъ, объ великомъ Актѣ его самоуничтоженія, о сліяніи его съ народомъ, и пр? —

Вы скажете мнѣ: ее родила *общность интересовъ* всѣхъ сословій, находящихся въ болѣе или менѣе страдательномъ состояніи, сложившемся для нихъ новыми коренными преобразованіями.

Полно такъ ли? Дѣйствительно ли сознается эта *общность интересовъ?* Напротивъ: — намъ твердятъ безпрестанно о раздраженіи будто-бы Дворянства, потерявшаго значительную часть своихъ выгодъ и намъ извѣстно то глубокое разъединеніе помѣщиковъ съ крестьянами въ пониманіи ихъ взаимныхъ выгодъ въ настоящій моментъ. — Гдѣ же эта общность интересовъ? — Гдѣ же инстинктивное, связующее стремленіе, будто-бы сдвигающее сословія какимъ-то самороднымъ движеніемъ? — Нигдѣ! — И такъ всѣ современныя мысли о какомъ то сліяніи, или, лучше сказать, о какомъ то искуственномъ переплетѣ сословныхъ

правъ, суть наплывъ внѣшній, а не плодъ органическаго развитія государственнаго устройства. Это не что иное, какъ порожденіе односторонняго взгляда нѣкоторыхъ представительныхъ кружковъ нашей передовой литературы, взлелѣянное съ другой стороны нѣкоторыми слоями нашего общества, одержимыми страхомъ чего-то грознаго, насъ въ будущемъ ожидающаго. — Другими словами, это порожденіе мечты и страха. — Что же путнаго можетъ изъ этого возникнуть?

Вы сами думаете, что если въ два года все дѣло между помѣщиками и крестьянами не будетъ рѣшено окончательно, то хорошаго ожидать нельзя. Вы сами рѣшаетесь оцѣнить все дѣло на вѣсъ пословицы: *что съ возу упало, то пропало.* — Вы думаете, что ступить одинъ шагъ назадъ и дерзко и опасно. — Изъ этого Вы мнѣ позволите заключить, что и Вы основываете свои предположенія на чувствѣ страха; но согласитесь со мною, что страхъ шаткое основаніе для новаго государственнаго зданія. — Страхъ, ощущеніе отрицательнаго свойства, слѣдовательно онъ не породитъ ничего положительнаго. — Изъ двухъ борцовъ тотъ, кто болѣе, или менѣе, поддался этому чувству, тотъ въ половину уже побѣжденъ. — Но я согласенъ съ Вами! Впередъ, такъ впередъ. — Впе-

редъ, не оглядываясь, не останавливаясь *для подбиранія упавшаго съ возу*. Впередъ! — но куда? Меня также беретъ страхъ, но страхъ не того свойства какъ Вашъ. Я не боюсь, признаюсь Вамъ, столкновенія съ тѣми массами, съ которыми намъ велятъ соединяться, или сливаться. Я не смотрю на нашъ народъ сквозь очки парижскаго жандарма, рекогносцирующаго le faubourg St. Antoine. — Нашъ народъ добрый, болѣе нежели думаютъ, благочестивый и преданный установленному даже безъ его участія порядку. — Не трогайте только его, не подстрекайте, не балуйте этого ребенка, вышедшаго вчера только изъ подъ ярма произвола; дайте ему съ самаго начала чувствовать всю тягость другаго ига, которому равно должны всѣ мы покоряться, — ига закона. Не учите его, какъ нѣкоторые, различать *начало юридическое* отъ *начала бытоваго;* не ругайте передъ нимъ безпрестанно тѣхъ, въ которыхъ такъ еще недавно воплощался для нихъ весь авторитетъ власти; не кощунствуйте передъ нимъ надъ святыми для него преданіями вѣры и вѣрности. — Онъ выдержитъ, повѣрьте, свой чудно-терпѣливый характеръ; онъ перенесетъ и въ новую жизнь свою эту нравственную силу, которой оказалъ опыты въ вѣчно памятныя годины отечественной Исторіи.

Изъ этого Вы видите, что и я страшусь, — но не вспышекъ народныхъ, а той опасной толпы мечтателей, которые порываются сдѣлаться водителями и нашими и народными; страшусь тѣхъ случайностей, которыя встрѣтимъ мы на каждомъ шагу пути предлагаемаго намъ нашими передовыми, которые уже и теперь опережаются другими, быстрѣйшими, въ этой непрерывающейся гоньбѣ *другъ за другомъ* и *всѣхъ* за мечтою. Страшусь ихъ и буду страшиться до тѣхъ поръ, пока мнѣ не представятся болѣе несомнѣнныя доказательства ясно выказывающейся, необходимой потребности того политическаго уровня, подъ которымъ хотятъ, чтобы мы самоотверженно склонили наши головы.

За тѣмъ, Вы въ правѣ — я признаю это — спросить меня, какой же я предполагаю исходъ дѣлу, принимая за точку отправленія настоящее положеніе, а не то мечтательное, которое могло бы быть, но не сложилось въ той лабораторіи исторіи вообще и въ особенности русской, о которой Вы говорите.

На это отвѣчать не легко . . . И не легко, по той особенно причинѣ, что за прочность зданія долженъ исключительно отвѣчать зодчій, а живущіе въ немъ имѣютъ только несомнѣнное право

указать ему на тѣ или другіе недостатки его творенія.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы, почитатели воззрѣнія Безобразова, отказались отъ дружнаго вспомоществованія къ достиженію общей цѣли. — Едва ли не съ помощью этого, по Вашему, *отсталаго* воззрѣнія, есть только возможность къ достиженію мирной развязки, которую Вы такъ горячо и такъ справедливо почитаете нынѣ необходимою. Вѣрность подобнаго взгляда, я постараюсь уяснить, если Вы сдѣлаете мнѣ честь вызова на такое единоборство. — Теперь же позвольте мнѣ предложить Вамъ нѣсколько мыслей о прочихъ статьяхъ вашего возраженія Безобразову.

Вы нападаете на него за то, что онъ хочетъ новое законоположеніе согласить съ старымъ, уже отжившимъ. — Вы приписываете ему замыселъ на какую то китайскую неподвижность. — Вы, наконецъ, чрезвычайно остроумно осуждаете нашу бѣдную, старую, жалованную грамоту, на печальное будущее, ожидающее всѣ старыя гардеробы и garde-meubles нашихъ предковъ, то есть на выносъ въ ближайшій толкучій рынокъ.

За чѣмъ же, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, провожать такъ безцеремонно на прощаньи стараго,

заслуженнаго друга? — Развѣ за то, что жалованная грамота была дѣйствительно добрымъ привѣтнымъ хозяиномъ не для однихъ потомковъ Рюрика, а для всѣхъ сословій народныхъ! — Не подъ ея ли покровъ стремились на перерывъ выходцы изъ другихъ сословій? Во имя мужества, за цѣну крови, за усидчивость въ выполненіи регламентовъ, во имя наконецъ услугъ, оказанныхъ наукѣ и просвѣщенію? — Да такъ много было желающихъ поступить подъ это ветшавшее, но почетное знамя Грамоты, что Сперанскій, еще съ 1809го года, задумалъ захлопнуть передъ наплывомъ непрошенныхъ гостей широко распахнувшіяся двери выслуживанія. За что же теперь такая невзгода? Что такое сдѣлалось? — Уничтожено крѣпостное состояніе. — Да Безобразовъ благодаритъ отъ души Государя за творческую мысль его; онъ находитъ, что уничтоженіе этого права, сложившагося внѣ Грамоты, нисколько ее не нарушаетъ. — Вы противъ этого не возражаете. — Да посмотрите: кучка тверскихъ дворянъ идетъ далѣе. Она, сколько я слышу, проповѣдуетъ, что крѣпостное право воскресло въ лицѣ мировыхъ посредниковъ . . . Видите . . . На всѣхъ, право, не угодишь! —

Вотъ я и Вамъ сдѣлаю уступку. — Я не признаю, какъ Безобразовъ, право *непоколебимости* ни

за какимъ законоположеніемъ. Иначе, почему бы намъ не остаться при Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича? Нѣтъ, по моему, закона, даже такъ называемаго кореннымъ, который не подлежалъ бы измѣненію по требованіямъ времени, исключая только область религіозную. — Но чѣмъ менѣе эти измѣненія разрушительны, чѣмъ строже они согласуются съ ясно высказавшимся современнымъ общимъ требованіемъ, чѣмъ, напротивъ того, менѣе слѣдуютъ за первымъ возгласомъ перваго мечтателя, тѣмъ лучше; и въ этомъ я склоняюсь на сторону Бозобразова.

Я уже Вамъ сказалъ мысль мою о томъ, что Безобразовъ остановился на Грамотѣ, какъ на точкѣ опоры для разумной связи между нашимъ прошедшимъ и нашимъ будущимъ. Вотъ, что важно по моему въ его воззрѣніи на дѣло. Онъ хочетъ спасти эту святыню нашу отъ разрушительнаго напора новыхъ идей, стремящихся къ уничтоженію всего стараго какъ нѣкогда .....

Вообразите себѣ жаркую битву. — Противники одолѣваютъ .... кажется нѣтъ болѣе надежды на успѣхъ, надобно отступать, но одинъ изъ сражающихся схватываетъ знамя полка и подъ градомъ враждебныхъ пуль съ самопожертвованіемъ выноситъ въ безопасное мѣсто эти священные лоскут-

ки. — Еслибъ битва и проигралась, то честь оружія спасена! —

Уважимъ безстрашнаго воина; а славную Хартію нашу почтимъ не послѣднимъ поклономъ; но вѣрною надеждою, что благородное сословіе, подъ сѣнію ея явившее столько подвиговъ и столько великихъ поборниковъ отечественнаго дѣла, еще долго, долго будетъ во главѣ всѣхъ полезныхъ начинаній Державныхъ представителей своихъ на престолѣ Россіи.

Вы скажете, можетъ быть, это поэзія, а мы въ настоящую эпоху должны оставаться въ прозѣ дѣйствительности. — Пожалуй. — Вотъ и проза. Прочтите, прошу Васъ, третью заключительную статью Безобразова. Она, по моему мнѣнію, указываетъ на одинъ изъ вѣрнѣйшихъ путей для развязки дѣла, по которой вы сами вздыхаете. — И это я берусь доказать Вамъ, если состязаніе наше этимъ первымъ опытомъ не прекратится.

Позвольте еще нѣсколько словъ о поземельной собственности. Признаюсь, я не очень понялъ примѣнимость къ дѣлу вашихъ разсужденій о существующихъ, будто бы, притязаніяхъ помѣщиковъ на пользованіе землею, находившуюся доселѣ въ пользованіи крестьянъ. Не ужели ли Безобразовъ имѣлъ когда-либо мысль о насильствен-

номъ прекращеніи этого пользованія? Не ужели помѣщики могли когда-либо хотѣть переселенія крестьянъ на казенныя земли, нынѣ отдаваемыя, какъ Вы говорите, любому Мекленбургскому или Шварцбургскому подданному? Помилуйте! Да это значило бы произнести имъ свой собственный приговоръ къ уничтоженію ихъ благосостоянія и, не только ихъ, но всего Государства. — Нѣтъ, я нахожу у него только нѣсколько словъ, изъ всего того, что можно сказать 1) о насильственномъ установленіи продажи и купли земель; — 2) о происходящей отъ того для пользъ помѣщиковъ неравноправности; 3) о произволѣ, присущемъ сдѣланному распредѣленію надѣловъ и повинностей, отъ котораго страждутъ и будутъ еще болѣе терпѣть въ будущемъ, какъ помѣщики, такъ и крестьяне, и, наконецъ, 4) о томъ, что крѣпостное право, отнятое у помѣщиковъ перешло *въ самомъ дѣлѣ* въ нѣкоторыхъ своихъ оттѣнкахъ въ руки пришельцевъ, составляющихъ наши мировыя учрежденія. — Вотъ, на что я нахожу бѣглые только намёки у Безобразова. Но посягательства на права личности и собственности крестьянъ, однимъ словомъ, возврата къ крѣпостному уничтоженному положеніями быту, я вовсе у него не вижу. — Этимъ заключаю на этотъ разъ мои возраженія.

Никому другому, кромѣ Васъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, я не рѣшился бы ихъ сдѣлать. Я уважалъ въ Васъ всегда Апостола смѣлой правды, истиннаго сына русской земли и достойнаго труженика въ изслѣдованіи ея бытописаній. — Для всякаго другаго я бы схоронилъ ихъ въ тайникъ своей души. — Спасибо Безобразову и Вамъ, что Вы дали мнѣ случай на минуту облегчить свободнымъ выраженіемъ удручавшій меня гнётъ мыслей и чувствованій.

П. Н . . . . . въ.

Милостивый Государь,

Петръ Александровичъ.

Благодаря Васъ искренно за выраженное довѣріе и расположеніе. По старой университетской памяти, спѣшу отвѣчать Вамъ на почтенное Ваше посланіе; спѣшу въ одинъ присѣстъ, въ совершенномъ безоружіи.

Въ лѣтописяхъ нашихъ есть извѣстіе объ одной битвѣ Новгородцевъ съ Суздальцами: „Новгородцы, ссѣдавше съ конь, и порты сметавше боси сапоги сметавше, поскочиша;“ точно такъ и я вступаю съ Вами въ состязаніе, безъ меча, безъ щита, и даже безъ шлема.

Во первыхъ, я не имѣю достаточныхъ опытовъ для разсужденія объ извѣстномъ вопросѣ; отъ — роду не числилось за мною ни одной крѣпостной души, кромѣ собственной, и не владѣлъ я никогда ни одною десятиною въ полѣ, а развѣ въ саду, на Дѣвичьемъ, впрочемъ, полѣ.

Во вторыхъ, углубленный, особенно теперь, въ занятія древней Исторіей, я не имѣю времени на нужныя справки, не только на обстоятельныя

изслѣдованія. Потому-то, какъ прежде, такъ и теперь, я отнюдь не выдаю своихъ мнѣній за непогрѣшительныя, а только сообщаю къ свѣденію, отдаю на общій судъ, свои впечатлѣнія, свои замѣчанія, свои заключенія, почерпнутыя изъ долговременныхъ наблюденій и размышленій. —

Прежде всего долженъ заявить, что не могу выразить своихъ мыслей вполнѣ. Къ крайнему прискорбію, мы не можемъ не только печатать, не только говорить публично, но даже говорить въ своемъ домѣ, между четырехъ стѣнъ, среди избраннаго образованнаго общества, безъ разныхъ умолчаній. Въ Вашемъ письмѣ встрѣчается нѣсколько мѣстъ очень важныхъ, очень значительныхъ, гдѣ вы невольно останавливаетесь, скрывая развитіе мысли подъ точками. Хорошо еще, что мы не назначаемъ своей переписки для печати, иначе и точки ценсоръ замѣнилъ бы одною сильною запятою.

Покойный Пушкинъ при мнѣ получилъ однажды письмо отъ Графа Б..... съ критическими замѣчаніями объ его стихахъ; а въ собственноручной подписи Графа заключалась грубѣйшая орѳографическая ошибка. Каково же было великому поэту принимать за законъ мнѣніе такого судьи! Каково старымъ, опытнымъ,

заслуженнымъ людямъ, подвергаться приговорамъ иногда перваго встрѣчнаго! Съ завязанными глазами мудрено ловить истину, также какъ попасть на прямую дорогу, бросаясь изъ стороны въ сторону, лишь-бы не достаться въ руки азартнаго ловца, мудрено плясать по канату, имѣя кандалы на ногахъ; что̀ мы, пишущая братія принуждены бываемъ дѣлать всякій разъ, какъ рѣчь дойдетъ до насущныхъ вопросовъ, а не до брани на исправниковъ, откупщиковъ, квартальныхъ, или литераторовъ, въ слѣдствіе чего и составился особый условный языкъ, въ родѣ языка Афеней, языка Цыганъ, языка волжскихъ плавателей, — камень преткновенія для ценсоровъ и камень соблазна для читателей, проказа общественная. Въ настоящемъ нашемъ положеніи всего нужнѣе свободная, искренняя рѣчь; съ языка должно намъ снять всѣ типуны, насѣвшіе и насаженные на него съ незапамятныхъ временъ. Только при этомъ условіи, можетъ быть, договоримся до чего-нибудь истинно путнаго, полезнаго и для насъ нужнаго. Вотъ духъ предложеній Подольскихъ, Звѣнигородскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ, Тульскихъ, противъ которыхъ Вы вооружаетесь; а что касается до ихъ подробностей, частностей, то я согласно съ Вами, готовъ былъ бы поспорить противъ нѣкоторыхъ, и отвергнуть,

или отложить другіе. Послѣ этого необходимаго приступа, попытаемся пройти еще разъ по канату. Сущность Вашего письма и вмѣстѣ мнѣнія Г. Безобразова состоитъ все-таки въ томъ, что землю должно было оставить за помѣщиками, предоставляя крестьянамъ личную свободу и полюбовныя соглашенія. Но позвольте Вамъ напомнить указъ объ обязанныхъ крестьянахъ.

Я позабылъ о немъ, отвѣчая прежде Г. Безобразову; такъ твердо всѣ мы знаемъ наши постановленія. Онъ именно предлагаетъ, кажется, ту самую мѣру, которую теперь предлагаетъ Г. Безобразовъ, и которую Вы считаете единственнымъ средствомъ для спасенія отечества, — даже ....

Почему же дворянство не приняло этой мѣры, когда она была предложена все-таки правительствомъ, и не пользовалось ею въ продолженіи пятнадцати лѣтъ? — Ясное доказательство, что дворянство само не думало, говоря вообще, объ уничтоженіи крѣпостнаго права, и безъ правительства не рѣшилось бы приступить къ дѣлу, въ ожиданіи его зрѣлости. —

Теперь спустя лѣто, въ лѣсъ по малину идти поздно.

Буду разбирать Ваше письмо по пунктамъ. Вы думаете, что на меня подѣйствовали чужіе

толки о Г. Безобразовѣ. Напрасно! Я прочелъ его предложеніе и въ туже минуту набросалъ извѣстный Вамъ отвѣтъ, не слыхавъ о немъ ничего, кромѣ жаркихъ одобреній. —

Вы говорите, что въ предложеніи Г. Безобразова заключается рѣшительный вопросъ о благоденствіи отечества. Другіе говорятъ, что этотъ вопросъ рѣшается имъ къ крайней опасности.

Сравнивая наши мнѣнія, Вы говорите что Г. Безобразовъ видитъ за собою бездну; но „мечтаетъ о возможности связать чрезъ нее прошедшее съ будущимъ какою-либо органическою связью; а я будто бы, принимая этотъ разрывъ за окончательный, иду безбоязненно въ туманную даль, призывая на помощь новыя средства, новыхъ дѣятелей.“

Совсѣмъ нѣтъ; я тоже думаю о соединеніи; но только не посредствомъ цѣпнаго моста съ караульными по краямъ, а посредствомъ безопаснаго брода, свободнаго плаванія между двумя берегами съ порто-франко. Я увѣренъ, что связь вѣковая у крестьянъ съ помѣщиками, по минованіи настоящихъ недоразумѣній, отнюдь не прервется, а напротивъ усилится на лучшихъ человѣческихъ основаніяхъ, на природѣ вещей, на взаимной нуждѣ. Понимается, что вездѣ необходимо разумное содѣйствіе правительства, — иначе прискорбныя

явленія неизбѣжны, и вотъ я перехожу теперь къ Вашему остроумному превращенію моего вопроса: „Что было бы?“ въ новый Вашъ собственный вопросъ: что будетъ? — Прежде всего я напомню Вамъ, что предлагалъ отнюдь не a priori свой вопросъ, а на основаніи бывшихъ явленій въ Казани, Пензѣ и проч.

Вы спрашиваете: что будетъ въ новыхъ ризахъ изъ тканей по образцамъ Уѣздовъ Звѣнигородскаго, Подольскаго и пр.?

Я отвѣчаю: если ризы построятся въ пору, чтобы нигдѣ не жало, не тѣснило, чтобы вездѣ было просторно, льготно, чтобы рукамъ и ногамъ двигаться въ нихъ было ловко, чтобы не стягивалась грудь и дышала свободно, чтобы всѣ воскрилія были достаточно широки, чтобы на всякій случай былъ пущенъ въ нужныхъ мѣстахъ порядочный запасецъ. О, тогда я увѣренъ мы пойдемъ быстро и успѣшно впередъ, (мнѣ не хочется употреблять опошленнаго слова прогрессъ). Но если новыя ризы примутся шить Фонъ-Визинскіе или Крыловскіе Трошки, то разумѣется добра ожидать нечего, и мы должны будемъ пенять на себя, какъ пеняла Гжа Простакова и вообще тѣ хозяева, которые сапожникамъ поручаютъ печь пироги а пирожниковъ засаживаютъ за иглу.

Предполагая мое недоумѣніе, Вы приходите ко мнѣ на помощь, съ отвѣтомъ что было бы при дарованіи однихъ личныхъ правъ? —

Но я уже прежде, напоминаніемъ указа объ обязанныхъ крестьянахъ, возразилъ на это разсужденіе. —

Прибавлю: почему же крестьяне не удовольствовались теперь данными положеніями, если даже однѣ личныя права могли удовлетворить ихъ такъ успѣшно? „Что будетъ?“ — Вы указываете на Тверскія происшествія. Я не имѣю объ нихъ яснаго понятія; но думаю, что если бы вопросъ съ самаго начала отданъ былъ на общее, неограниченное никакими сроками и бюрократическими рамками разсужденіе, даже одного дворянства, то такія явленія не имѣли бы мѣста.

Вы напомнили очень кстати объ одномъ Европейскомъ событіи, прискорбной памяти, и я спрошу васъ въ свою очередь: жертвы его не говорили-ль вещи подобныя тѣмъ, какія нынѣ въ нѣкоторыхъ кругахъ слышатся; не ошиблись ли онѣ въ своихъ предположеніяхъ и надеждахъ, не раскаявались ли горько, что не умѣли сдѣлать заблаговременно нѣкоторыхъ законныхъ уступокъ? О, еслибы мы по чаще справлялись съ Исторіей и слушались ея назидательныхъ уроковъ!

Какъ высказалась, спрашиваете Вы, потребность чрезвычайныхъ мѣръ, намъ предлагаемыхъ отъ Подольска, Звѣнигорода, и пр., и Вы говорите, что Правительство, будто бы, обращалось сперва къ литературѣ. Признаюсь Вамъ откровенно, что я не имѣю понятія объ этомъ обращеніи къ литературѣ и думаю, что изъ всѣхъ вѣдомствъ, самое неудобопостижимое для него есть литература, настоящая степь Барабинская, terra incognita. — Находился же подъ надзоромъ полиціи, какъ опасный Славянофилъ, нашъ общій пріятель, М. Н. Загоскинъ! Что до меня, Гр. З..... бралъ съ меня подписку, по поводу одного письма о крестьянскомъ вопросѣ, посланнаго въ le Nord, чтобы я впредь не посылалъ за границу ничего, безъ предварительнаго разсмотрѣнія въ III^мъ^ отдѣленіи.

Чрезъ годъ началось изданіе „Сельскаго благоустройства“ и редакторъ попросилъ у меня статью. Она также была не пропущена. Наконецъ, въ прошедшемъ году, послѣ двухъ Грамотокъ, навлекшихъ на меня столько неудовольствій, я написалъ статью о дворянствѣ и его положеніи и она возвращена мнѣ вся иллюминованная красными чернилами, такъ что не осталось строки живой, и я рѣшился замолчать и ничего не печатать; что и

исполняю около года, возясь только съ Ярополками, Мстиславами и Игорями, отъ коихъ не жду никакихъ угрозъ, а развѣ послушанія. — Вотъ Вамъ и литература.

Потомъ, говорите Вы, Правительство обратилось къ дворянству съ вопросомъ, но не обращалось къ прочимъ сословіямъ. Привожу Ваши собственныя слова: „Съ другой стороны, нѣтъ ни„какого факта, доказывающаго подобныя требова„нія отъ лица народа, или тѣхъ сословій, которыхъ „соединенія желаютъ Звѣнигородскіе, Подольскіе и „пр. того рода мыслители.“

Да какъ же народу, или прочимъ сословіямъ предъявлять свои требованія, если у него, или у нихъ, о томъ никто не спрашивалъ; чего же могутъ ожидать они, заговоря неспрошенные!

Въ эту самую минуту, какъ я пишу Вамъ отвѣтъ, получаю я изъ своей Хамовнической Части, бумагу, неотразимо доказывающую законность желаній Подольскихъ, Звѣнигородскихъ и пр. мыслителей. Дѣло короткое и ясное и, если Вы не поскучаете этими мелочами, то я передамъ ихъ Вамъ здѣсь, въ оправданіе изъявленнаго желанія. Я купилъ, три года назадъ, домъ, рядомъ съ моимъ старымъ домомъ на Дѣвичьемъ Полѣ, въ мѣстности, слишкомъ для Васъ знакомой. Въ прошломъ году,

квартирная Экспедиція потребовала съ меня сперва 90, а потомъ 18 р. за какіе-то лишніе жилые покои, не освобожденные отъ постоя. Я отвѣчалъ, что домъ купленъ сполна очищенный, по удостовѣреніи всѣхъ соприкосновенныхъ судебныхъ мѣстъ; а самъ ничего въ немъ не строилъ и что если есть недоимка, то обязанъ очистить ее продавецъ. Требованія продолжались и причиняли мнѣ досаду среди моихъ занятій. Я пригласилъ продавца и передалъ ему взысканіе. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что недоразумѣніе происходитъ вѣроятно отъ того, что проданный домъ составлялъ одно цѣлое съ другимъ, сосѣднимъ домомъ; слѣдовательно освобожденіе должно значиться въ сосѣднемъ планѣ. Я сообщилъ это объясненіе и сію минуту получаю предписаніе какого-то чиновника: „не принимая никакихъ отзывовъ, взыскать; въ случаѣ „неплатежа осеквестровать,.... поставить экзекуцію и пр....“ Я вышелъ изъ себя и написалъ, что готовъ отказаться отъ владѣнія, сжечь домъ, но не подчинюсь такому наглому требованію; по суду, по закону, готовый заплатить все, что угодно.

Если такъ поступать можно въ Москвѣ, съ человѣкомъ извѣстнымъ, имѣющимъ чинъ, голосъ,

связи; — съ исправнымъ обывателемъ, тридцать лѣтъ на одномъ мѣстѣ, неимѣвшимъ никакого дѣла съ полиціею; то что же дѣлается съ тѣми сословіями, коихъ мнѣнія Правительство не спрашиваетъ? Будьте увѣрены, что они желаютъ еще болѣе насъ преобразованій въ духѣ Звѣнигородскихъ, Подольскихъ, и пр. того рода мыслителей; но не смѣютъ подать своего голоса, а только утираютъ кулакомъ подъ-часъ слезы.

Откуда же взялась мысль, заключаете Вы, о созваніи земскихъ соборовъ и пр. и отвѣчаете за меня: отъ общности интересовъ, которую опровергнуть Вамъ легко. Нѣтъ; я отвѣчу иначе: отъ возникнувшей во всѣхъ потребности въ преобразованіи, сознанной и самимъ Правительствомъ. Эта потребность, слѣдовательно, отнюдь не есть: „порожденіе односторонняго взгляда нѣкоторыхъ „представительныхъ кружковъ нашей литературы, „взлелѣянное, съ одной стороны, нѣкоторыми слоями нашего общества, одержимыми страхомъ.“

Вы называете въ заключеніе эту потребность: „порожденіе мечты и страха“. Мечта достойна всякаго осужденія, точно также какъ многіе проекты должно предать забвенію, вмѣстѣ съ прочею дребеденью, ходящею у насъ въ оборотѣ; а касательно страха, я спрошу Васъ: давно ли возникла

у насъ такая храбрость, которая рѣшается не только стоять твердо, но и идти ... назадъ? Давно ли мнѣніе большинства состояло въ томъ, что одно слово о свободѣ произведетъ кровопролитіе? Ничего этого, слава Богу, не случилось. Напротивъ, прежде ежегодно падало по 30 помѣщиковъ, какъ искупительныя жертвы, а, въ послѣднее время, ни одного!

Приступаю къ отвѣту на прочія Ваши замѣчанія.

Пристрастно объясняя мои слова, Вы говорите, что я осуждаю Дворянскую Грамоту къ выносу на толкучій рынокъ. Нѣтъ, не на толкучій рынокъ, а въ Пантеонъ Исторіи, гдѣ хранятся наши Государственныя законоположенія, совершившія свой подвигъ, — Русская Правда, Судебникъ, Уложеніе и пр.

А кстати, о толкучемъ рынкѣ. Я покупалъ тамъ бо́льшею частію важнѣйшія жалованныя царскія Грамоты за дворянскую службу и скорбѣлъ всегда, какъ мало дорожатъ дворяне памятью о своихъ предкахъ и ихъ трудахъ, лишая Исторію своимъ небреженіемъ нужныхъ, драгоцѣнныхъ документовъ. Это служило мнѣ, съ другой стороны, утѣшительнымъ доказательствомъ, что наши дворяне не имѣютъ той сословной гордости, которая,

на Западѣ, была главнымъ источникомъ революцій. Не надо затѣвать ихъ заднимъ числомъ.

Выписываю съ особеннымъ удовольствіемъ слѣдующія Ваши слова, исполненныя поэзіи: „Во„образите себѣ жаркую битву. Противники одолѣ„ваютъ. Нѣтъ кажется, болѣе надежды на успѣхъ; „надобно отступить; но одинъ изъ сражающихся „схватываетъ знамя полка и подъ градомъ враж„дебныхъ пуль, съ самоотверженіемъ выноситъ въ „безопасное мѣсто эти священные лоскутки. Ес„либъ битва и была проиграна, то честь оружія „спасена! Уважимъ безстрашнаго воина, а слав„ную Хартію нашу почтимъ не послѣднимъ покло„номъ, но вѣрною надеждою что благородное со„словіе, подъ сѣнію ея явившее столько подвиговъ „и столько великихъ поборниковъ отечественнаго „дѣла, еще долго, долго будетъ во главѣ всѣхъ „полезныхъ начинаній державныхъ представителей „своихъ на престолѣ Россіи“. Да, да, я совершенно съ Вами согласенъ, что „благородное со„словіе, подъ сѣнію ея явившее столько подви„говъ и столько великихъ поборниковъ отече„ственнаго дѣла, еще долго, долго будетъ во главѣ „всѣхъ полезныхъ начинаній державныхъ предста„вителей своихъ на престолѣ Россіи.“

Переходя къ прозѣ, Вы изчисляете несправед-

ливости проистекающія изъ Положеній, на кои Г. Безобразовъ только-что бѣгло намекнулъ.

Объ нихъ судить я не могу по недостаточности моихъ свѣдѣній и малой опытности; но думаю, что всѣ дворянскія потери должны быть, по справедливости вознаграждены съ лихвою и всѣ утраченныя права замѣнены новыми. Такимъ образомъ, равновѣсіе возстановится къ общему удовольствію на пользу и славу Отечества.

Повторяя Вамъ выраженіе искренней признательности за Ваше лестное для меня довѣріе, поднимая брошенную Вами на будущее время перчатку, заключу словами Карамзина, предъ которымъ мы съ Вами и со всѣми ровестниками преклоняемся, котораго нынѣшніе бездарные верхогляды и скорохваты не стоющіе его мизинца, осмѣливаются поносить предъ неопытною молодежью, который, по моему мнѣнію, долженъ надолго еще остаться идеаломъ Русскаго гражданина, писателя и человѣка. — „Мы одно любимъ, одного желаемъ, сказалъ „онъ въ заключеніе своей Исторіи; любимъ отече„ство, желаемъ ему благоденствія, еще болѣе не„жели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда „твердое основаніе нашего величія; да правила „*мудраго* Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и „болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ

„Россія.... покрайней мѣрѣ долго, долго, если на „землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души че„ловѣческой!“ Считаю только долгомъ прибавить, что всякое время даетъ словамъ свой смыслъ.

Мудрость нашего времени обусловливается, по моему мнѣнію, собирательнымъ голосомъ всего народа, что̀ согласно и съ Вашими словами: „За „прочность зданія долженъ исключительно отвѣчать „зодчій; а живущіе въ немъ имѣютъ только несом„нѣнное право указать на тѣ, или другіе недостатки „его творенія.“

Марта 9. 1862 г.

Михаилъ Погодинъ.

Разборъ писемъ М. П. Погодина и П. А. Н.....ва по поводу рѣчи Н. А. Безобразова, сказанной въ Московскомъ Дворянскомъ собраніи 11го Января 1862 года.

Прочелъ я, въ кругу людей почтенныхъ благонамѣренныхъ, здравомыслящихъ, три письма, ходящія по рукамъ; изъ нихъ *крайнія* — Михаила Петровича Погодина, *среднее* — Петра Александровича Н.....ва. —

Общее впечатлѣніе, чтеніемъ произведенное, было слѣдующее.

Противные лагери выказали много ума, ловкости, таланта, а особенно обходительности и взаимнаго благорасположенія, съ коими поражали другъ друга; въ столкновеніяхъ нѣтъ озлобленія; для нанесенія ударовъ и отраженія ихъ, съ тонкостію и изобрѣтательностію высокаго чувства, обдуманы

оружія любезности, подъ бронею которой, обнаружены удивительныя сила и острота. Съ полнымъ безпристрастіемъ слѣдуетъ признать, что никогда война не была ведена вѣжливѣе и благороднѣе.

Ратоборство совершилось тремя походами, а слѣдовательно и повѣствованіе о нихъ должно раздѣлиться на три части.

1е, письмо М. П. — Оно содержитъ въ себѣ возраженія на предложеніе Гна Безобразова „о дальнѣйшемъ приведеніи въ дѣйствіе новаго Положенія о помѣстныхъ крестьянахъ.“ Тутъ, вмѣсто возраженія на главныя мысли автора, искусный стратегикъ, преходя ихъ молчаніемъ, съ свойственною ему оборотливостью, намекаетъ на развитіе теоріи хитросплетеннаго насилія. —

2е, письма П. А. — Раціональный отпоръ этой теоріи.

3е, письмо опять М. П. — Здѣсь выказана имъ неподражаемая ловкость въ возможномъ приведеніи въ дѣйствіе собственнаго положенія: „la parole est élastique;“ — фаланга словъ неуловимо движется разсыпнымъ строемъ, разбѣгается мелкими отрядами такъ что куда ни взгляни — нѣтъ боя, а еще менѣе отвѣта на идеи П. А. — Извѣстно математически, что 1—1=0; на этой то ма-

тематической формулѣ и основано литтературное отступленіе 10,000 звуковъ, подъ предводительствомъ новаго Ксенофонта.

Кто-то изъ слушателей сказалъ:

„Почтеннѣйшій М. П. *дважды не туда попалъ.*“ — Да оно и немудрено, когда онъ вышелъ на ратоборство, какъ самъ говоритъ: „съ присѣста ..... въ совершенномъ безоружіи ..... безъ меча, щита и шлема“, подобно нѣкіимъ въ лѣтописи людямъ, кои „ссѣдавше съ конь, и порты „сметавше боси, поскочиша. —“

Какъ критикъ-стратегикъ, постараюсь изобразить нападенія, засады, вылазки и прочія движенія могучихъ вождей противныхъ армій; постараюсь доказать справедливость впечатлѣній, произведенныхъ этою странною войною. Раздѣлю мой обзоръ военныхъ дѣйствій на *три отдѣла:* 1) теорія насилія, 2) здравомысліе и 3) формула: 1—1=0.

Но прежде всего покаюсь въ собственныхъ грѣхахъ моихъ и предъ знаменитыми бойцами-мыслителями, и предъ всѣми, до кого что касаться будетъ и кто что приметъ на свой счетъ; вѣдь повинную голову и мечъ не рубитъ. — А грѣхи мои вотъ какіе:

Первый мой грѣхъ. — „Ну, можно ли такъ *легко* писать о предметахъ столь важныхъ; припутывать туда шуткословіе?“ — Что же дѣлать! Сознаюсь: не люблю 13й версты; а потому и мѣшаю дѣло съ бездѣльемъ, чтобъ съ ума не сойти. Но вы, Г.г. читатели, не примите моихъ выраженій въ худую сторону относительно М. П. — Нѣтъ! это не то: онъ, хотя не туда, а все таки попалъ, и попалъ очень мѣтко..... у него, что ни слово — то умолчаніе мысли, что ни умолчаніе — то мысль, что ни шагъ — то военная хитрость.

Второй мой грѣхъ. Разъ сказала мнѣ женщина — этотъ вѣнецъ созданія — красавица умомъ, сердцемъ и видомъ: „Vous avez la langue méchante“!.... Mais, pas le coeur, отвѣтилъ я: — pas le coeur! Простите мнѣ и Вы, всѣ присносущіе: *языкъ мой — врагъ мой;* но, вникнувъ въ намѣренія мои, Вы увидите, что сердце у меня не злое; желанія мои чистыя: добра и спокойствія.

„А если я смѣюсь надъ тѣмъ что́ кажется смѣшно;“

„Такъ это право не грѣшно. — “

Вѣдь и отъ великаго къ смѣшному — только шагъ!

Итакъ, покаясь достаточно въ грѣхахъ моихъ,

приступаю къ дѣлу съ примѣсью бездѣлія. — *Что сказалъ, то обязанъ доказать*

I. Отдѣлъ.

Развитіе хитросплетенной теоріи насилія.

М. П. начинаетъ первое свое письмо „искрен„нимъ изъявленіемъ уваженія Безобразову за ту „благородную смѣлость, съ которой высказаны его убѣжденія, — *въ упоръ общественнаго мнѣнія.* —“

Общественнаго?.... Въ упоръ?.... Да я самъ былъ свидѣтелемъ, что отъ неумолкаемыхъ почти рукоплесканій Безобразову и одобрительныхъ возгласовъ общественнаго мнѣнія трещала вся зала собранія. — Какъ же М. П., такъ..... *мимоходомъ*..... рѣшаетъ смѣло и положительно, будто мнѣніе Безобразова стало въ упоръ общественнаго мнѣнія? Не ужели М. П. можетъ отрицать то, что всѣ видѣли и слышали? Нѣтъ. Но тутъ-то и заключается тонкость ума ловкаго, военная хитрость искуснаго стратегика. Онъ пускаетъ летучій отрядъ для открытія первыхъ засадъ теоріи насилія. Тутъ мѣткій намёкъ на такъ называемыхъ *передовыхъ,* которые, для увлеченія за собою общественнаго мнѣнія, обыкновенно *мимоходомъ* заявляютъ *свои предпріятія,* какъ бы аксіомы, кои не

требуютъ доказательствъ, потому что не могутъ быть доказаны.

Вникнемъ внимательно въ столь важныя указанія рекогносцировки.

Общественное мнѣніе не можетъ быть въ противорѣчіи съ сознаніемъ, что потрясеніе правъ собственности (какъ подтверждаетъ и самъ М. П.) любо только тѣмъ, кто не уважаетъ чужаго; выгодно только тѣмъ, кто свершаетъ филантропическія хожденія по чужимъ карманамъ. Разоблачающій эту истину фактовъ, не становится въ упоръ общественнаго мнѣнія.

Намекомъ на *общественное мнѣніе* М. П. невольно наводитъ на слѣдующее размышленіе.

Да кто же у насъ рѣшаетъ именемъ общественнаго мнѣнія? Кто имѣетъ отъ него уполномочіе? Уже ли тѣ верхогляды (какъ ихъ называетъ М. П.) выдвинувшіе сами себя въ *передовые*, и чье надменное чело, чья назойливая улыбка, такъ и говорятъ Вамъ въ глаза: „Фу! какъ мы-то умны; а прочіе всѣ, посмотришь: баластъ! „Нѣтъ! .... Каждое *я* въ правѣ сказать *мое* мнѣніе, а не *общественное*. Даже если есть послѣдователи его мнѣнію; то все-таки это *я* моглобы сказать съ достовѣрностію лишь только одно: что Безобразовъ

высказалъ *свои* убѣжденія въ упоръ мнѣнію этого *я et compagnie*.

Посмотрите, какъ, въ первой же завязавшейся перестрѣлкѣ, М. П. опрокидываетъ *несомнѣнныя* рѣшенія произвольно именующихъ себя выраженіемъ общественнаго мнѣнія: „только полное, искреннее „выраженіе мнѣній всякаго рода," — говоритъ онъ, т. е. здравыхъ, больныхъ, твердыхъ, хромыхъ и *чающихъ движенія воды* — „можетъ *разъяснить* дѣло и застраховать его отъ вредной *односторонности*" ..... Разъяснить! ..... А какъ же, безъ разъясненія дѣла, задумали уже его рѣшить? .... и притомъ застраховаться отъ односторонности? .... и попасть, прежде другихъ, въ *овчью купель* популярности?

Хитро вызвавъ наружу *крайнее лѣвое* крыло своей арміи, составленной изъ „*всякаго рода мнѣній*," М. П. съ самаго же начала, съ искуственною простотою умалчиванія, обрисовалъ или лучше сказать изобличилъ ошибки *передовыхъ движеній*: ихъ нравственную ..... привѣтъ съ камнемъ за пазухою ..... несостоятельность противъ искренности; ихъ политическую — произволъ или насиліе надъ общественнымъ мнѣніемъ — несостоятельность противъ свободы и истины.

Увидимъ какъ потомъ воспользовался этою

двойною несостоятельностію другой, не менѣе искусный, не менѣе сильный стратегикъ; какъ побѣдоносно поражаетъ онъ такъ называемыя *передовыя мнѣнія* — положительностію фактовъ, здравомысліемъ выводовъ, искренностію глубокихъ и честныхъ убѣжденій, спокойною увѣренностію въ свободѣ и силѣ истины.

Итакъ *умолчаніе* доказательствъ дѣйствительности суда общественнаго, тонко выставившее манію *передовыхъ:* бездоказательно считать упоромъ общественному мнѣнію всякое изображеніе разстройства нашего отечества — кажется съ достаточною доказательностію отнесено мною къ развитію теоріи насилія. Какъ иначе назвать настойчивое послѣдованіе тѣмъ же самымъ идеямъ, которыя уже ввергли насъ въ столь бѣдственное положеніе? Какъ иначе назвать дѣйствія ухищрителей, которые, насилуя себя, и другимъ закрываютъ глаза, чтобы никто не увидѣлъ истины; зажимаютъ рты, чтобы никто ее не высказалъ; затыкаютъ уши, чтобы ее не слыхали? Какъ иначе назвать покушенія какого нибудь *я*, самовольно выставляющаго несомнѣнность своего права выражать общественное мнѣніе, и дѣлающаго это для того только, чтобы легче увлечь за собою массу въ теоріи, предлагаемыя для будущаго, безъ сообра-

женія дѣйствительности нашего настоящаго и прошедшаго?

„Куда стремитесь вы, передовые, зажмуркою? Предъ вами бездна! Остановитесь, откройте глаза и осмотритесь“ ..... Требованіе логичное.

„Впередъ! впередъ! Зажмуртесь крѣпче: бездны не будетъ видно. Въ вашихъ рукахъ общественное мнѣніе, которое, отуманенное вы увлекаете. Не выпускайте его ни на минуту, не давайте ему опомниться! — Впередъ!“ ..... Требованіе нелогичное и, воля ваша, это — теорія насилія. —

Но перейдемъ, въ нашемъ стратегическомъ изслѣдованіи, къ сильной вылазкѣ, ударившей въ главныя ворота крѣпости. —

М. П. сознаетъ, что Безобразова „положенія вѣрны“, изъ нихъ сдѣланные „выводы основательны“; но „еслибы принять ихъ; то.....то..... „ближайшія, неминуемыя послѣдствія заставили бы отъ нихъ *съ ужасомъ* отказаться“.

Вы видите сопоставленіе логичности съ гадательностію. Но ужели М. П. вдался, въ самомъ дѣлѣ, въ такую *неумышленную* несостоятельность сужденій, — въ такое явное противорѣчіе самому себѣ? — Нѣтъ; это несообразно съ его замѣчательнымъ умомъ. —

Тутъ, опять слова, выражающія умолчаніе,

опять умолчаніе, выражающее мысль! Какую? . . . Извѣстную всѣмъ, битую-перебитую систему запугиванія, — китайскій щитъ съ намалеваннымъ страшилищемъ. Но развѣ М. П. воображалъ застращать этимъ противный лагерь? Опять нѣтъ! Онъ этого и не думалъ. — „Но умыселъ другой тутъ былъ:“

Фланговое движеніе на общественное мнѣніе, чтобы указать до какой степени легко, думаютъ, застращать его трескомъ гремучаго разрыва бомбы и увлечь насильственно, безъ разсужденія, — однимъ призракомъ ужаса. Это тонкая сатира и надъ *передовыми* и надъ *балластомъ*, подобно Янусу, глядящая въ разныя стороны. Она-то подала поводъ „вѣрнымъ положеніямъ,“ — „основательнымъ выводамъ,“ которыми предположено опрокинуть фалангу охотниковъ до вопроса: *„что было бы?“*

На чемъ, въ этомъ случаѣ, обыкновенно основываются устрашенія? М. П. разъясняетъ это важное обстоятельство: „на томъ, что̀ сказали бы крестьяне, получивъ послѣ долговременнаго ожиданія“ не то, что ожидали.

Разсмотримъ внимательно начинку этой бомбы.

А что̀-бы въ самомъ дѣлѣ могли *они сказать*? Умолчано; да такъ умолчано, что какую *мысль* ни подставь, отъ всякой увернуться можно. Ловкая

начинка, равняющаяся всему тому, чѣмъ бы могли набить бомбу, или — ничему. Ну, такъ и положимъ, что крестьяне ровно *ничего* бы не сказали; или сказали бы, почесавъ въ раздумьи затылки: *„видно намъ все не дѣло врали.“* И это былобы такъ; и будетъ такъ, до тѣхъ поръ, пока не успѣютъ заманить Правительство въ совершенное предъ народомъ тождество его распоряженій съ пропагандою. Вѣра въ нее — есть уже недовѣріе къ правительству; вѣра въ него — ее убиваетъ презрительнымъ равнодушіемъ.

Почему тутъ приняты въ соображеніе *одни крестьяне?* — Ясно: для того, чтобы намекнуть на всегдашній отвѣтъ *передовыхъ* и на его „ближайшія неминуемыя послѣдствія“ .... „Да вѣдь крестьянъ масса; ихъ — медвѣжья сила.“ Итакъ: право сильнаго вмѣсто правосудія! это пахнетъ подобострастіемъ къ толпѣ; тутъ не охрана или защита слабаго противъ сильнаго, а на оборотъ: предательство перваго ..... „Нѣтъ; не то“! — А что же? — „Да вѣдь они-то и суть слабые, несчастные, забитые,“ и т. д. и т. д. .... Ну, воля ваша, это пахнетъ чѣмъ-то еще хуже: нацыкиваніемъ на Варѳоломѣевщину или Пугачевщину.

Почему сказано: *долговременныя ожиданія?* — И это ясно: М. П. удостовѣряетъ, что ожида-

нія долгое время гнѣздились въ народѣ, напоминая печатную гласность *„о возбужденныхъ неограниченныхъ желаніяхъ народныхъ,“* о существованіи пропаганды.... это не новость. —

Но устрашать тѣмъ, что скажетъ масса, преднамѣренно возбужденная ожиданіями; но увлекать общественное мнѣніе такимъ застращиваніемъ; но подчинять законодательство, а слѣдовательно и участь отечества, вліянію пропаганды; — это можетъ завести насъ уже слишкомъ далеко..... и даровитый М. П., съ горькою ироніею, рисуетъ мрачную картину безнадежности..... „Что съ возу упало, то пропало; подбирать нечего; все расхватано руками, въ которыхъ стиснуто крѣпко“.

Итакъ: меня грабятъ, вотъ и руки, стиснувшіе то, что *мое;* а я не смѣй кричать: караулъ! — Законъ, власть и правда слабы, чтобы отнять разхватанное разбойничьею силою.... да еще надо мною же будутъ издѣваться!....

Какую неумолимую, логическую послѣдовательность развилъ М. П., набросавъ, какъ будто на удачу, художническою кистью маэстра, картину *расхвата,* вслѣдъ за идеею о народныхъ несбывшихся надеждахъ и о злостной пропагандѣ.

Дѣйствительно: чѣмъ отличается теорія циническаго убѣжденія въ неуваженіи къ чужой соб-

ственности отъ практики людей, вынимающихъ часы и бумажники изъ кармановъ; обворовывающихъ чердаки, комоды, закрома; грабящихъ на большихъ дорогахъ, въ лѣсахъ? — Чѣмъ? — Тутъ различіе тоже, какое существуетъ между причиною и ея послѣдствіями; между Репетиловыми и Расплюевыми; между покраснѣвшимъ воришкою и Ванькою Каинымъ.

Прочитавъ эти строки, списанныя М. П. какъ бы съ натуры, — признаюсь — я невольно застегнулъ и сертукъ....

Послѣ такой аттаки цѣлымъ фронтомъ массы, выдвигаются двѣ батареи: „надо думать, *какъ сохранить остальное, какъ вознаградить потерянное?*

Но первая изъ этихъ батарей оставлена безъ прикрытія, безъ защиты; она сдалась безъ боя, даже безъ выстрѣла. Самъ М. П. говоритъ: „настоящія Положенія *подали и подаютъ* поводъ къ несчастнымъ столкновеніямъ“ .... Вы оправдали, почтеннѣйшій М. П., Безобразова: плохая охрана въ столкновеніяхъ, когда отнимается охрана законовъ, подчиняемыхъ игу пропаганды!

Вторая батарея: *„вознаградить потерянное“*. .... Чѣмъ? Какъ? На чей счетъ?.... Молчаніе ..... Но въ самомъ этомъ молчаніи мысль несется

далеко, далеко — за ряды идей Безобразова. Такъ называемые либералы направляютъ эту батарею въ иную крѣпость, и громъ залпа грохочетъ по долам и горамъ..... *сліяніемъ или перетасовкою сословій; великимъ актомъ самоуничтоженія дворянства; коммунизмомъ и соціализмомъ; демократическою республиканскою самодѣльщиною* .....

Либералы не ослабѣваютъ.... впередъ! впередъ!.... и вмѣстѣ съ расхватомъ частной собственности, развертываются батальоны на захватъ земель казенныхъ....

Новая иронія обливаетъ ихъ потокомъ медовыхъ словъ: „зачѣмъ откажемъ *мы* въ какихъ“... Чего?..... Чужой землѣ... Кому?..... Тѣмъ, кто упражнялся на ней въ гимнастикѣ присвоенія чужой собственности по системѣ потогонной? — „Не грѣшно-ли это будетъ?“..... Въ самомъ дѣлѣ, М. П., Вы правы: „Не грѣшно-ли“..... распоряжаться чужимъ?

Наконецъ выдвигается и весь центръ арміи.

„А что, еслибы Правительство въ самомъ дѣлѣ „приготовило для крестьянъ заблаговременно свои „отхожія пустоши; то что стали бы вы дѣлать одни „съ своимъ черноземомъ? Нѣтъ; лучше уступить „имъ землю и они будутъ, *со временемъ*, приносить „вамъ *прежнюю* пользу; но на другихъ основа-

„ніяхъ, о которыхъ собственно теперь и должна „быть рѣчь.“

Разсмотримъ, по всѣмъ правиламъ стратегіи, составъ этой главной части арміи.

Безобразовъ именно заботится о нераздвоеніи поземельнаго капитала и сохраненіи рабочей силы въ сельскихъ хозяйствахъ помѣстнаго дворянства — *„единственныхъ сельскихъ хозяйствахъ Россіи“*. А намъ что̀ предлагается? Уступить ли крестьянамъ на расхватъ дворянскія земли, или тутъ же лежащія казенныя — не всели равно? Въ томъ и другомъ случаѣ, владѣльцы останутся одни съ ихъ черноземомъ, глиною, пескомъ, болотами и проч. и проч. Развѣ можно себѣ представить ферму или какое либо сельское хозяйство, безъ вѣрныхъ и осѣдлыхъ работниковъ? это возможно только въ мечтахъ вѣчно юнаго, а слѣдовательно незрѣлаго воображенія, или въ грезахъ паническаго страха. Нѣтъ. Дѣйствительность не улетаетъ съ мечтою, не умираетъ отъ страха. Она тутъ, передъ глазами: когда изчезнутъ изъ сельскаго хозяйства работники, или рабочая сила въ нихъ будетъ невѣрна; когда изчезнутъ осѣдлости, и работникамъ негдѣ будетъ жить; когда изчезнутъ угодья, и самому сельскому хозяйству негдѣ будетъ развиваться: тогда останутся лишь кое-гдѣ пустые и уродливые клочки

прекрасныхъ дворянскихъ помѣстій, разоренныхъ хуже нежели нашествіемъ Татаръ или двунадесяти языцей. — Итакъ, *передовые ведутъ именно къ тому, чѣмъ стращаютъ.*

Далѣе Вы, М. П., заключили свои соображенія въ трехъ временахъ: будущемъ, прошедшемъ, настоящемъ. Но какъ соединяли Вы ихъ? Не такъ ли, какъ ворона, рака и щуку? — Посмотримъ.

Польза современемъ.... не стремится ли въ облака? Не миліардъ ли это въ туманѣ?

Польза прежняя..... Не пятится ль назадъ?

А гдѣ же *польза теперь?*.... Не канула ль на дно? О ней ни слова!..... вмѣсто нея лишь обѣщаніе: „современемъ *прежней* пользы“..... Но, зачѣмъ же ее покидать? Зачѣмъ этотъ пробѣлъ жизни государственной безъ пользы? Зачѣмъ разоренія, страданія?.... Особенно, когда исходъ всего этого — *„прежнее?“*

Вы, столь многими уважаемый учитель, смѣло подняли занавѣсъ и указали намъ бѣлкино колесо, гдѣ вращаются: *надѣлы, обязательныя повинности безъ отвѣтственности, уступки*..... и откуда единственный выходъ — отверстіе въ клѣтку — *выкупъ;* а за нимъ опять таже лазейка изъ клѣтки въ колесо, вѣчно вертящееся: *скупъ оседлостей и угодій, округленіе дачъ, устрой-*

ство хозяйствъ, снабженіе ихъ вѣрными и осѣдлыми работниками ..... И вотъ мы опять побѣжимъ: впередъ! впередъ! .... нетрогаясь съ мѣста ..... пока не придетъ фантазія юркнуть чрезъ единственный исходъ — дыру клѣтки, и — опять въ *уступки, вознагражденія,* то есть: въ *тѣже надѣлы, выкупы,* пожалуй хоть и „на другихъ основаніяхъ“ .....

Какъ Вы мѣтко обрисовали, почтеннѣйшій М. П., дѣятельность нѣкоторыхъ современныхъ умовъ нашихъ, *изнемогающихъ въ безвыходности, согласіяхъ противорѣчій, ... дѣятельность современныхъ благороднѣйшихъ характеровъ, распоряжающихся безотчетно чужою собственностію, утопающихъ въ разгулѣ безотвѣтственности личнаго своего произвола.*

Но пустьбы одни передовые и вращались въ этомъ коловоротѣ .... насъ-то бы пощадили; не тащили бы всѣхъ туда же неволею .... Вѣдь вольнымъ — воля; а наталкиванія — хитрыя приманки насилія.

Осталась еще, въ центрѣ этой диковинной и такъ мастерски разоблаченной Вами арміи, не обозрѣнная нами артиллерія; вотъ она:

„Теперь собственно должна *рѣчь идти только о новыхъ основаніяхъ*“ ..... Да о чемъ же и

рѣчь идетъ у Безобразова, какъ не о томъ: на какія прочныя основанія намъ стать въ настоящемъ положеніи, въ которомъ мы уподобляемся людямъ, неимѣющимъ подъ собою твердой почвы? — Но вѣдь первое дѣло: не погрязать далѣе въ бездонную трясину; остановиться, если есть на чемъ; если же не на чемъ даже и остановиться; то согласитесь, благоразумнѣе выбѣжать назадъ, нежели тонуть въ тундрѣ.

Безобразовъ, сообразивъ „вѣрно положенія“, обсудивъ „основательно свои выводы“ (Вы сами это сказали, М. П.!) признаетъ возможнымъ: *остановиться и осмотрѣться.*

Противники его мнѣній не признаютъ этой возможности и ..... по какому то непонятному ослѣпленію ..... не хотятъ выйдти изъ непроходимаго болота, а лѣзутъ въ него все далѣе и далѣе, крича безъ умолку: впередъ! впередъ! Да вѣдь подобное упорство есть проявленіе свойствъ, невнушающихъ никакого довѣрія. — Извините насъ: мы не рѣшаемся слѣдовать за такимъ энтузіазмомъ, отнюдь не убѣждаясь въ пользѣ такого самопожертвованія. Вѣдь это — старая *авоська;* вѣдь это *кривая вывезетъ!* Прежняя погудка, подъ которую мы плясывали — въ дѣтствѣ.

Или, можетъ быть, смыслъ тотъ: „да вы толь-

ко отрѣжьте скорѣе ломоть; а потомъ и разсуждайте, сколько угодно, о новыхъ основаніяхъ: какъ его къ хлѣбу приставить“ .....

Резервовъ у нашихъ передовыхъ нѣтъ, — они пренебрегали ими, какъ *отсталыми*. Напрасно!

Безобразовъ оперся на дворянскую грамоту, которая также дана *на всегда*, какъ и уничтоженіе нынѣ крѣпостнаго состоянія. Передовые, въ качествѣ литераторовъ признали эту хартію, тришкинымъ кафтаномъ; въ качествѣ чиновниковъ или служебнаго сословія, сдали ее въ архивъ. Но бросивъ свое знамя, поступили-ль они какъ слѣдуетъ воинамъ? Отрекшись отъ существующаго коренного закона, поступили-ль какъ слѣдуетъ гражданамъ? Пренебрегая единственными правами, какія имѣютъ, поступили-ль хотя по Европейски? Современно ли все это? И неуважающій правъ собственно въ себѣ, можетъ ли уважать ихъ въ другомъ?

Подъ конецъ, достопочтенный М. П. изъявляетъ желаніе вступить въ переговоры и въ утѣху всѣмъ выкидываетъ, какъ парламентерскій знакъ, пословицу: „все перемелется и будетъ мука.“ — Но и тутъ не отступаетъ отъ системы умалчиванія .... хотя бы въ удареніи на словѣ. Хорошо тѣмъ, для кого мелется все въ муку; а какова мука тѣхъ, кто въ жерновахъ?

Не правдали: все это не иное что, какъ искусно изобличаемое Михаиломъ Петровичемъ развитіе теоріи ухищреннаго насилія?

II. Отдѣлъ.

Здравомысліе.

Къ какому разряду мышленія, какъ не къ здравому; къ какому знамени, какъ не къ свѣтлому; къ какой системѣ, какъ не къ истинной, — по справедливости, можно отнести слѣдующія положенія?

„Когда дѣло идетъ о рѣшительномъ *быть или не быть* благоденствію отечества, человѣкъ, увле„ченный потокомъ событій, хочетъ остановиться „и отдать себѣ отчетъ въ пройденномъ пути: онъ „бросаетъ взглядъ на прошедшее“ — прибавлю: и на настоящее — „чтобы сознательнѣе взглянуть „потомъ на будущее. Этотъ взглядъ, всеобъемлющій, „не останавливается съ односторонностію преду„бѣжденія.“

„Дарованіе людямъ гражданскихъ правъ — „есть великій подвигъ. Но права собственности „не затрогиваются безъ грознаго урока будущему.“

„Дворянство, какъ сословіе, по преимуществу „служитъ опорою монархическому началу: сохра-

„нять его значеніе нужно для Государственной „силы монархіи.“

„Поземельныя отношенія разрѣшаются мирно „путемъ полюбовнаго соглашенія.“

„Стражъ противъ посягательствъ на права „другаго есть — дѣйствіе учрежденій, основанныхъ „на законѣ, который долженъ быть кратокъ, ясенъ, „понятенъ и безъ всякихъ лазеекъ для преступныхъ „домогательствъ на популярность, обманъ или „насиліе.“

„Отечественному хозяйству угрожаютъ уро„номъ: и неубранныя жатвы, и незасѣянныя поля, „и возникающая черезполосица, и толпы разоре„нныхъ семействъ и, болѣе всего, разнузданная „сила, не понимающая ни правъ, ни обязанностей „своихъ.“

„Откуда взялась мысль о созваніи земскаго „собора, объотреченіи дворянства отъ своихъ правъ, „о великомъ актѣ его самоуничтоженія, о сліяніи „или какомъ-то искуственномъ переплетѣ сослов„ныхъ правъ? — Эти современныя мысли суть „наплывъ внѣшній, а не плодъ органическаго раз„витія государственнаго устройства; это — порож„деніе мечты и страха. Что же путное можетъ изъ „этого возникнуть?“

„Страхъ — шаткое основаніе для государ-

„ственнаго зданія: онъ есть ощущеніе отрицатель-„наго свойства; а потому не породитъ ничего по-„ложительнаго.“

„Если съ самаго начала научить народъ под-„чиниться игу, которому всѣ должны подчиняться „— игу закона; если не ругать предъ нимъ тѣхъ, „въ комъ еще такъ недавно воплощалась для него „вся власть; если не кощунствовать предъ нимъ „надъ святыми для него преданіями вѣры и послу-„шанія; то онъ перенесетъ и въ новую жизнь ту „нравственную мощь, которой оказалъ опыты въ „вѣчно-памятныя годины отечественной исторіи.“

„Страшиться надо не его; а той опасной „толпы мечтателей, которые порываются сдѣлаться „водителями народными; тѣхъ случайностей, какія „встрѣтимъ мы на каждомъ шагу пути, ими пред-„лагаемаго, въ силу будтобы государственной не-„обходимости политическаго уровня, подъ которымъ „хотятъ, чтобы мы самоотверженно склонили на-„ши головы.“

„Какой же теперь долженъ быть исходъ? — „Отвѣчать не легко. Прочность зданія лежитъ на „обязанности зодчаго; а живущіе въ немъ имѣютъ „несомнѣнное право: указывать на недостатки.“

Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя мысли „относи-тельно поземельной собственности: 1) о насиль-

тсвенномъ установленіи продажи и купли земель; 2) о происходящей отъ того для помѣщиковъ не равноправности; 3) о вредномъ произволѣ въ распредѣленіи надѣловъ и повинностей; 4) о томъ, что крѣпостное право, отнятое у помѣщиковъ, перешло, на самомъ дѣлѣ, нѣкоторымъ образомъ, въ руки пришельцевъ, составляющихъ наши мировыя учрежденія.

Вотъ сущность письма Петра Александровича, раціональность которой — безъ опроверженій.

Но Вы, П. А., сверхъ того были ужъ слишкомъ любезны, постучались къ своему противнику, М. П., и спросили: дома-ли „Апостолъ смѣлой правды?“.... Посему случаю:

III. Отдѣлъ.

Формула: 1—1=0.

Этотъ апостолъ..... въ торопяхъ вѣжливости .... встрѣтилъ Васъ въ Польдекоковскомъ негліжé..... „порты сметавше, сапоги сметавше..... и извиняясь, что онъ передъ Вами „въ совершенномъ безоружіи“..... объявилъ Вамъ положительно:

во 1[хъ]) что онъ „не имѣетъ достаточнаго опы„та для разсужденій объ извѣстномъ вопросѣ; „отъ роду не числилось за нимъ ни одной крѣпо-

„стной души, кромѣ собственной, и не владѣлъ „никогда ни одною десятиною въ полѣ, развѣ въ „саду на Дѣвичьемъ, впрочемъ, полѣ.“

во 2хъ) что онъ — при своихъ ученыхъ и литературныхъ занятьяхъ — „не имѣетъ времени „на нужныя справки, не только на обстоятельныя изслѣдованія.“

въ 3хъ) что „не можетъ выразить своихъ мы- „слей вполнѣ, не можетъ не только печатать, не „только говорить публично, но даже говорить въ „своемъ домѣ, между четырехъ стѣнъ, среди избран- „наго общества, — *безъ разныхъ умолчаній.*“

Ну, послѣ этого какъ долго ни „размышляйте“, сколько ни „судите,“ — все ничего не выйдетъ: 1—1=0.

Стало быть — и говорить нечего; казалось бы — и войнѣ конецъ: миръ, такъ миръ!

Анъ — нѣтъ!

На бѣду П. А.чъ напомнилъ М. П.чу что онъ „достойный труженникъ въ изслѣдованіи бытописаній.“ Вотъ и пришелъ на мысль Ксенофонтъ .... вотъ и вздумалось заставить новѣйшій легіонъ 10,000й повторить знаменитое отступленіе.

Что дѣлать: разыгралась славянская подражательная натура!

Великой арміи *передовыхъ*, — зашедшей въ

первомъ походѣ такъ далеко; прошедшей такъ много пустыхъ, нужныхъ и не нужныхъ, частныхъ, казенныхъ и общихъ мѣстъ, какъ „розданныхъ и разнымъ нѣмецкимъ выходцамъ, такъ и „оставшихся еще у насъ въ запасѣ для различныхъ сановниковъ и чиновниковъ," — пришлось ..... *вспять возвратиться,* сколь это ни было противно.

И вотъ, свершилось блистательное отступленіе: по „бѣзднамъ, взрытымъ мировыми событіями;" по буеракамъ и рытвинамъ, прорѣзаннымъ грязными волнами время отъ времени возмущаемыми; по всѣмъ возможнымъ путямъ сообщенія. А извѣстно, что они у насъ „также гладки и спокойны .... какъ рѣчь заики." Мудрено ли „что̀ нибудь и вытрясти „и выронить по такой дорогѣ."

Огромная словесная армія должна была имѣть и порядочный обозъ.

Въ немъ вереницею тянулись; „босые Новго„родцы съ Суздальцами, и покойный Пушкинъ съ „Графомъ Б.....ъ, и ценсорская запятая, и „предложенія Тверскія, и общество фонъ-Визен„скихъ или Крыловскихъ Тришекъ, и Загоскинъ „съ Гр. За.....мъ, и Хамовническая часть, не„отразимо *будто бы* доказывающая законность же„ланій Подольскихъ. Звѣнигородскихъ и пр. мысли-

„телей по случаю взысканія сначала 90, потомъ, „18 р. с. съ М. П. и Карамзинъ съ его „любовью „къ отечеству, при желаніи благоденствія болѣе „нежели славы,“ и нынѣшніе бездарные верхогляды „и скорохваты, и разный старый хламъ толку- „чаго рынка“ и пр. и пр. и пр. ..

Что тутъ удивительнаго, когда по дальнему и безпокойному пути, пока шла либеральная рать безъ оглядки *впередъ*, разсорилось такъ много изъ постепенно пустѣвшаго словеснаго ея запаса? А какъ пришлось такому воинству идти *назадъ* ..... такъ радо, радо оно было, *подбирать все, что съ возовъ падало*“ .....

Но между хламомъ подняты и *двѣ идеи*, ... свѣжіе заряды ..... ну, какъ же было ими не выстрѣлить ..... такъ ..... ради острастки, при грозномъ отступленіи.

Вотъ эти два запоздалые залпа.

Первая идея.

„Почему дворянство не воспользовалось, въ „свое время, указомъ 2 Апрѣляя 1842 года *) объ „обязанныхъ крестьянахъ, который, *какъ кажется*, „предлагалъ туже мѣру, какую теперь предлагаютъ „Безобразовъ и П. А.?“

*) Св. Зак. о сост. изд. 1857 г., т. IX, ст. 951—962.

Да; это только *можетъ казаться!!!*

Законы объ обязанныхъ крестьянахъ во многомъ хороши, а болѣе всего въ томъ, что *не были обязательны;* въ ходъ же не пошли — отъ *тормазовъ:*

1й тормазъ: — бывшее тогда въ *законной* силѣ крѣпостное состояніе. Слѣдовательно: несовременность.

2й тормазъ: — недостатокъ обезпеченія въ исправномъ исполненіи обязанными крестьянами повинностей за пользованіе землею.

Опытъ прошлаго и настоящаго времени ясно доказываетъ, что этотъ недостатокъ есть разореніе поземельныхъ капиталистовъ и нравственное растлѣніе рабочаго класса, при безотвѣтственномъ пользованіи чужою собственностію.

3й тормазъ: — допущеніе различныхъ произволовъ надъ собственностію, для нихъ чуждою, съ стѣсненіемъ законнаго произвола собственника. Опытъ прошлаго и настоящаго времени также ясно доказалъ хаотическое отъ этого разстройство хозяйствъ.

4й тормазъ: — безвозвратная отдача помѣщикомъ своей земли въ чужое постоянное пользованіе и невозможность избавиться отъ негоднаго, опаснаго или вреднаго человѣка, въ помѣстьи

живущаго. Опытъ прошлаго и настоящаго времени опять доказалъ, что при этихъ условіяхъ нѣтъ охраны ни собственности, ни личности.

5й тормазъ: — „оставленіе живыхъ существъ прикрѣпленными къ землѣ, какъ растенія корнями, и мечта о барщинѣ или данничествѣ вольныхъ людей.

„Открѣпленіе людей отъ земли съ прикрѣпленіемъ земли къ людямъ“ — есть тоже крѣпостное состояніе, только въ иныхъ видахъ.

Сколько ложекъ дегтю въ бочкѣ меда! А что такое *тормазъ?* — Сила, удерживающая движеніе. Онъ необходимъ — когда спускаемся; не нуженъ когда идемъ къ верху. Но если двѣ противуположныя силы равны; то движеніе невозможно. На такую безвыходность обречено всякое законодательство, несущее въ самомъ себѣ зародышь своего уничтоженія — *противорѣчіе.* Итакъ 1—1=0. Что и требовалось доказать.

Не сообразивъ ни прошедшаго, ни настоящаго, *передовые* обыкновенно кидаютъ въ глаза дворянству обвиненія и потомъ ему же съ насмѣшкою говорятъ: „поздо! поздо! идти въ лѣсъ спустя лѣто!“..... Да вѣдь это только *„по-малину,“* Г. г. *по-малину.*

Еще слово. Безобразову приписываютъ же-

ланіе. „воздвигнуть между прошедшимъ и будущимъ — въ настоящемъ — прочный мостъ.“

А противники его предлагаютъ:

„Чѣмъ на мостъ намъ идти,“

„Поищемъ лучше броду!“

Гдѣ?... Въ *слiяніи!*.... Незванномъ? непрошенномъ? А если васъ оттолкнутъ и съ той стороны?..... Какую роль вы сыграете?

„Отъ павъ-то вы отстали,

„Къ воронамъ — не пристали;

„И сдѣлалися новыя Матрены“ —

„Ни павы, ни вороны!“

Я, можетъ быть, также какъ и М. П. и П. А., поспорю съ Безобразовымъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, второстепенныхъ идеяхъ въ практическомъ примѣненіи; но главныя мысли его и предостереженія такъ важны, что они заслуживаютъ глубокаго вниманія умовъ государственныхъ, стоящихъ у кормила правленія.

Вамъ же, нашимъ приспорителямъ, нашимъ наталкивателямъ, отвѣчу пословицею:

„Не спросясь броду, не суйтесь въ воду!“

Вторая идея.

„Европейское событіе прискорбной памяти! „Жертвы его не говорили-ль вещи подобныя тѣмъ,

„какія и нынѣ слышатся? О! еслибы мы по чаще „справлялись съ исторіею и слушались ея назида„тельныхъ уроковъ!“ Вы правы М. П.

Прочтите же эти строки, повѣствующія о событіяхъ 1789 года. (De Laverne: Economie rurale.) „L'assamblée nationale détruit entièrement le régime féodal dans les droits tant féodaux que censuels; ceux qui tiennent à la servitude personnelle sont abolis sans indemnité, tous les autres sont déclarés rachetabl s. Malheureusement l'impatience nationale voulut aller plus loin et. le bel édifice que les travaux de tout un siècle avaient préparé — s'écroula, pour ne se relever qu'après d'horribles convulsions.

„C'est à ce propos que Siyès a dit son fameux mot: „ils veulent être libres et ils ne savent pas être justes!“ (стр. 5).

„Ainsi à l'esprit de justice et de liberté, succède l'esprit de violence et d'oppresion, tous les droits sont foulés aux pieds, toutes les propriétés violées, toutes les libertés détruites; le sang finit par couler a flot.“ (стр. 13).

„On a voulu s'épargner des difficultés, on s'en est donné de bien plus graves. „*Si la nation a droit à la partie, elle a droit au tout*“ —

disait à la tribune un membre de l'assemblée nationale. (crp. 23).

„Les violences contre les proprietés ont bientôt conduit à des violences contre les personnes; la mort a suivi la spoliation.“ (crp. 31.)

„Il semble que la joie et le travail doivent régner dans les campagnes affranchies; il n'en est rien. Une insurrection violente avait déjà commencé; au lieu de s'arreter, elle s'étend. Des bandes de pillards parcourent les provinces, en portant avec elles la mort et l'incendie. Ce n'est plus à la féodalité, c'est à la proprieté qu'on en veut. Guerre aux chateaux, dit-on, et paix aux chaumières. Mais la distance entre la chaumière et le château n'est pas si grande que quand l'un brûle, l'autre soit à l'abri. La déstruction une fois commencée ne s'arrête plus; après avoir détruit les lapins, les pigeons, les tourelles, les forets, les titres des propriétés, on détruit les granges, les bestiaux, les récoltes; de proche en proche le ravage va loin. Croit on que, dans un parail moment, le cultivateur, quoique dégagé des dimes et des droits féodaux, fut fort encouragé à semer, à labourer, à moissonner, à poursuivre son rude et fécond labeur? On s'apperçut bien vite des conséquences inévitables de ces

désordres: les subsistances étaient déjà rares, elle le devinrent encore plus et le premier effect de l'émancipation rurale fut une disette." (стр. 37).

„Et qui a le plus supporté les conséquences funestes de ces violences accumulées? La dupe éternelle de ceux qui le flattent — le peuple. Pendant que les habiles spéculaient sur la confusion, le plus grand nombre courait aux armes. Personne n'osait vivre aux champs; on y songeait beaucoup plus à se défendre, qu'a s'enrichir." (стр. 41).

„Sans l'expropriation du territoire, toutes les fureurs étaient inutiles; avec elle tout devient nécéssaire; tout s'enchaine; le coup porté à la propriété conduit à la guerre civile, la guerre civille à la mort"..... (стр. 38).

И мы не хотимъ ли идти далѣе, не смотря на всенародныя подтвержденія Императорскимъ словомъ неприкосновенности правъ собственности помѣщиковъ на всѣ ихъ земли? (п. 1й Выс. рескр. 1857—8 годовъ, Выс. Манифъ. 19 февр. 1861 г. и п. общ. Положенія о крестьянахъ). И мы не спѣшимъ ли разрушить святость этихъ правъ, разными ухищреніями, поставляя державную волю въ противорѣчіе самой себѣ? И мы не посягаемъ ли

на принудительное раздвоеніе, на раздѣлъ поземельной собственности, на вымогательный выкупъ?-

Прудонъ, проповѣдуя, что „собственность есть „кража, что собственностію земли могутъ распоряжаться *всѣ* жильцы земли," говоритъ тоже и о „жильцахъ домовъ" и о другихъ собственностяхъ.

Ступивъ на этотъ *склонъ*, допустивъ неуваженіе къ чужой собственности, и раздѣлъ ее... гдѣ остановиться?

Неминуемы новыя уступки въ дѣлежѣ земель, капиталовъ, товаровъ, произведеній, движимостей, благосостоянія, семейнаго счастія!..... Да это полный коммунизмъ, полная анархія!

Путь къ ней объясняетъ Michelet (Introduct à l'histoire univers:)

„La monarchie y est (c. à d. en France) l'arme nationale contre la noblesse, la route abrégée du nivellement. Tant que la noblesse est puissante, toute tentative contre la monarchie échouera." Такъ, монархизмъ — самъ подсѣкаетъ свое подножіе.

О! грозные уроки исторіи! Если бы мы вамъ внимали!

З. Н. П.

Михаилъ Петровичъ.

Позвольте сказать нѣсколько словъ въ дополненіе недавней откровенной съ Вами бесѣды. — Не возраженія: я слишкомъ несвѣдуща съ одной стороны и слишкомъ самолюбива съ другой, чтобы осмѣлиться вызывать Васъ на такой неравный бой; желаю единственно провѣрить мысль мою образомъ мыслей Вашихъ.

Что Цензурный комитетъ не окуриваетъ пошлости на счетъ взяточниковъ и Бобчинскихъ всякаго достоинства, — весьма понятно и естественно; такъ точно правильно съ его стороны оберегать трехъ-бунчужныхъ пашей нашихъ отъ натиска на нихъ смѣлой Литературы. Подъ игомъ этого отечественнаго законодательства, почему старые, опытные заслуженные, — договорю за Васъ: мудрые — не протестуютъ противъ такого неравенства правъ?

Отчего они довольствуются одними условными знаками противъ такой возмутительной робости? — Прочтите статью редактора „Дня“, подъ заглавіемъ: *Отвѣтъ Сѣверн. Почтѣ.* Въ ней полезное указаніе, и слово такъ метко, что оно переживетъ Журналъ и сохранится въ мнѣніи каждаго, какъ опытъ смѣлаго возстанія противъ міра оффиціальнаго. А въ двухъ №№. Сѣв. Пчелы, 96[мъ] и 97[мъ], наставительныя статьи объ обязанностяхъ монарховъ весьма не дурны. — Прошли же они мытарствами, какъ авторитетъ истины. —

Вы говорите, что, при спорѣ съ Безобразовымъ, забыли объ Указѣ 1842 года объ *обязанныхъ*, сравнивая положеніе его съ настоящимъ положеніемъ помѣщиковъ. — Напрасно сожалѣете, кажется, объ этомъ забвеніи. Вспомнивъ объ немъ и внимательно разсмотрѣвъ его, Вы бы не рѣшились бросить этотъ камень въ благородную грудь защитника несомнѣнныхъ нашихъ правъ. Сказать ему безъ насмѣшки, что въ Указѣ этомъ былъ якорь спасенія поземельныхъ владѣній нашихъ, когда въ немъ явно выражается нетерпѣливое желаніе отнять ихъ и подчинить насъ крестьянскому произволу. — Указъ объ „обязанныхъ“ ставилъ оба сословія въ предѣлы условій, ими не сознан-

ныхъ и, притомъ, вызывалъ каждаго изъ насъ на преобразованіе собственнаго быта, оставляя общую организацію Государства въ прежнихъ, избитыхъ колеяхъ, чѣмъ самымъ водворялъ начала разъединенія; онъ не имѣлъ жизненности и потому остался несостоятельнымъ. Это была „малина“ форсированная, безвкусная. За нею, ни лѣтомъ, ни спустя лѣто, нечего было гнаться.

Въ предложеніяхъ Безобразова изложено мнѣніе всего дворянскаго сословія, даже помѣщиковъ Подольскаго и Звѣнигор. уѣздовъ. Протестъ противъ самовольнаго отнятія собственности останется вѣчнымъ правомъ нашимъ; онъ впишется въ исторію вмѣстѣ съ великимъ актомъ уничтоженія крѣпостнаго состоянія и позвольте мнѣ первой отдать Вамъ эту честь, — исторія запишетъ этотъ протестъ въ свои страницы изъ Вашихъ собственныхъ Записокъ.

Объ опасности заключеній Безобразова говорить ужъ поздно. Но вопросъ не рѣшенъ ни на одномъ берегу образовавшейся бездны; а самая настойчивость Ваша на необходимую для насъ предусмотрительность заставляетъ и меня, *застращенную* Вами, взглянуть по пристальнѣе на Вашъ поворотъ въ противную сторону; — и на Вашей пристани я усматриваю необходимость цѣпнаго

моста съ караульными по краямъ. Съ элементомъ шумной толпы, какъ съ разливомъ воды, шутить не должно. Разольется и забушуетъ, пожалуй, хоть Москва — рѣка. Долго ли до бѣды: и Красному крыльцу не сдобровать!

По крайнему моему разумѣнію, соединеніе возможно только при равновѣсіи интересовъ. — Все отнимать у одного и все предоставить другому не только не можетъ повести къ согласію, но повредить и тому и другому. Одна сторона кромѣ матеріяльнаго урона, поражена въ естественномъ чувствѣ своего достоинства; другая инстиктивно чувствуя свою поддержку, предается требованіямъ неумѣреннымъ и дѣлается, — къ сожалѣнію, быть можетъ, *навсегда,* — неспособною къ разумному пониманію правъ своихъ и обязанностей. — Вотъ отчего, большею частію, упорство крестьянъ при мировыхъ сдѣлкахъ.

Если бы порѣшить за Подол. и Звѣнигород. Уѣздами право кроить мундиры взамѣнъ прежнихъ ризъ, то надобно принять въ соображеніе, что *всѣ* ризы ветхи и что, конечно, лучше начать перестройку съ тѣхъ, которыя надлежитъ съузить, какъ самую удобную работу въ начинѣ. Потомъ уже, съ прибавкою ткани, можно расширить и на сколько угодно остальныя. Съ другой стороны, не слѣду-

ет ли нашимъ закройщикамъ напомнить, что, вслучаѣ неудачи, придется по неволѣ разоблачать наряженныхъ; въ такомъ случаѣ едвали и самые смѣлые рыцари нашего современнаго костюмированія взялись бы за это безъ нѣкотораго чувства страха.

Вы спрашиваете: „давно ли возникла у насъ такая храбрость, что рѣшаемся не только стоять твердо, но — и идти назадъ? Давно ли мнѣніе большинства (не журнальнаго ли?) состояло въ томъ, что одно слово о свободѣ произведетъ кровопролитіе?!!“

На этотъ вопросъ не трудно отвѣчать фактами. За долго еще до 19го Февр. 1861 года, читали мы много журнальныхъ статей о униженіи бѣлыхъ нашихъ негровъ и о звѣрскихъ съ ними поступкахъ помѣщиковъ; но это ужъ такъ давно пропитываетъ весь организмъ литературный, что, судя по безчисленности подобныхъ разсказовъ, цифра годовыхъ убійствъ, на которую Вы указываете, еще слишкомъ мала. Какъ послѣдствіе такого порядка дѣла, можно было ожидать чуть ли не истребленія всего класса такъ-называемыхъ рабо-владѣльцевъ. — Присовокупите къ этому подстрекателей, сужденныхъ въ Казани и Пензѣ и ватаги проповѣдниковъ во всякой бѣдной деревушкѣ, возмущающихъ не-

вѣжественное народонаселеніе, и Вы ужаснетесь при мысли о томъ, что̀, по мнѣнію Вашему, ожидало насъ при появленіи въ деревняхъ. Но замѣтьте, какъ мы чувствовали себя невинными. Не было имѣнія, куда не поспѣшили бы помѣщики при объявленіи Манифеста. — Вездѣ они сами, лицемъ къ лицу (тогда не было еще ни мировыхъ, ни сельскихъ властей) объясняли бывшимъ подъ ихъ властію содержаніе „Положенія“. Требовалось содѣйствіе мѣстной полиціи для сбора оброка, никогда противъ насилія и безчинства. Факты на лицо. — Мнѣ совѣстно сказать, — но истинѣ вездѣ почетъ и мѣсто, — какъ Тамбовцы, народъ не по преимуществу гуманный, встрѣтили одного помѣщика. Они со слезами бросились къ нему въ ноги, благодарили, просили не оставить ихъ, не отступаться отъ нихъ, защитить ихъ! Неужели за этимъ, Вы станете мнѣ доказывать, что на троттуарахъ Московскихъ разсуждали *иначе?* — Вспомните, день объявленія радостнаго событія. *Видѣли ли Вы* восторгъ, крики, упоеніе??

Кстати раскажу Вамъ анекдотецъ, за вѣрность котораго ручаюсь. На Смоленскомъ рынкѣ нѣкто изъ полицейскихъ привѣтствовалъ знакомаго торгаша съ освобожденіемъ. — „Вотъ неви-

даль какая! Да я и не былъ крѣпостнымъ! Платилъ въ года 20 р. оброка, а барина и отродясь не видалъ!“ — „А теперь въ наши лапки попались, почтеннѣйшій!“.... Вотъ истинный бичь русскаго человѣка.

Да; грустенъ разсказъ Вашъ о покупкѣ Дворянскихъ Грамотъ на Толкучемъ рынкѣ! — Но чтожъ это доказываетъ? Какая страна можетъ сравниться съ Англіею въ прочности аристократическихъ привиллегій, въ уваженіи традицій? А не читаемъ ли мы, въ Шериданової Школѣ Злословія, превосходной сцены продажи семейныхъ портретовъ? Неужели изъ этого заключить о равнодушіи Англичанъ вообще къ родовымъ преданіямъ? — Неужели и намъ краснѣть за всѣхъ уродовъ нашего сословія? Помилуйте! Да гдѣ они не были, не есть и не будутъ?

Нѣтъ! Не смотря ни на какіе будущіе перевороты не изчезнетъ эта родовая, наслѣдственная доблесть. Ей новые подвиги и новая слава въ Исторіи! Въ предвѣденіи великаго для нея грядущаго, Безобразовъ превосходно выразилъ смѣлую истину передъ Монархомъ, довѣрчивое воззваніе къ его справедливости, и этотъ голосъ, все болѣе и болѣе повторяемый въ убѣжденіи правдивости

его воззрѣній, навсегда останется въ нашей памяти, въ нашей благодарности, въ непоколебимомъ чувствѣ уваженія къ нему, какъ къ достойному нашему Представителю.

А..... Н.....

15 Апрѣля 1862 г,

Любезный другъ,

Съ чувствомъ безпристрастнаго наблюдателя, хочу передать тебѣ впечатлѣніе, произведенное на меня собраніемъ Московскаго Дворянства, 23 Января *).

Дворянство съѣхалось въ этотъ день ранѣе по приглашенію на то Г. Губ. Предводителя. Какое то тревожное ожиданіе чувствовалось въ этой залѣ, гдѣ, прежде, съ безпечностію, вошедшею въ пословицу, собирались единственно съ цѣлію, положить шаръ на право, или на лѣво избираемому, — и рѣдко съ полнымъ сознаніемъ высокой обязанности. — Дѣло шло о выслушаніи доклада Коммиссіи, обсуждавшей, по порученію дворянства, присланные, по Высочайшему повелѣнію, Гмъ Министромъ Внутр. Дѣлъ *пять вопросовъ*, содержаніе которыхъ уже извѣстно публикѣ. — Слѣдовательно, дѣло шло о правѣ, даруемомъ Высочайшею

*) 1862 года.

властію дворянству разсуждать не объ однѣхъ пользахъ и потребностяхъ губернскихъ, но о вопросахъ Государственной важности. Впервые еще зала эта оглашалась преніями о жизненныхъ, законодательныхъ, прямо общественныхъ вопросахъ. Прежде всего — одно слово объ общемъ впечатлѣніи, произведенномъ на насъ этимъ засѣданіемъ. Скажемъ смѣло: дворянство показало себя достойнымъ призванія Государева. Съ жаромъ истиннаго патріотизма, но съ умѣренностію свойственною сословію образованному, возражали другъ другу благородные сторонники того, или другаго мнѣнія и увлекали за собою чувства и мысли каждаго изъ слушателей, которые казались прикованными вниманіемъ къ малѣйшимъ оттѣнкамъ мысли, выражавшейся говорящими.

„Мы еще не созрѣли“, сказалъ когда-то и кто-то послѣ одного публичнаго пренія въ другой средѣ. — Успѣли ли мы созрѣть съ тѣхъ поръ, или замѣчаніе было тогда неправильно — не знаемъ; но, съ убѣжденіемъ скажемъ, — это замѣчаніе было неприложимо ко вчерашнему собранію Моск. Дворянства; а, если и приложимо въ частностяхъ, — какъ увидимъ послѣ — то отвѣтствовать за это должно не сословіе, а не вполнѣ зависящая

отъ него обстановка, — что ясно выказалось въ продолженіе преній.

При самомъ произнесеніи заглавія труда коммиссіи, докладчикъ, — (А А. Наумовъ, секретарь ея,) былъ прерванъ Н. А. Безобразовымъ, котораго „Предложеніе“ подало поводъ за нѣсколько дней тому назадъ къ извѣстному спору о большинствѣ голосовъ. — „Прежде обсужденія доклада, сказалъ Г. Безобразовъ, — надлежало бы рѣшить: слѣдуетъ ли сдѣлать исполненіе по принятому, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, большинствомъ голосовъ, предложенію Подольскаго Дворянства о поднесеніи Всеподданнѣйшаго прошенія?“ — Мысль свою Г. Безобразовъ основывалъ на томъ, что мнѣніе Подол. уѣзда было принято въ общемъ его очертаніи, но не было разобрано по пунктамъ и. слѣдовательно, не подверглось тому строгому разбору, который былъ сдѣланъ проекту, представленному имъ, Безобразовымъ, сперва по уѣздамъ, а потомъ у Губерн. Стола общею балотировкою; и притомъ, въ разные дни, слѣдовательно, съ промежуткомъ, отстраняющимъ всякое предположеніе о минутномъ увлеченіи, какое могло дѣйствовать при балотировкѣ мнѣнія Подольскаго уѣзда.

Вопросъ, предложенный Г. Безобразовымъ въ блестящей импровизаціи, съ тѣмъ характеромъ глу-

бокаго убѣжденія въ принципахъ и съ тѣмъ увлекательнымъ даромъ изложенія, которые были уже извѣстны Собранію по прежнимъ образцамъ, не могъ не возбудить общаго сочувствія. — Дворянству давался урокъ той сдержанности, того строгаго порядка въ совѣщаніяхъ, которыхъ вѣчными врагами будутъ необдуманные крики и рукоплесканія. — Оно не могло внутренно не сознаться, что большинство 306 голосовъ противъ 58 теряло подъ собой въ эту минуту ту твердую почву, на которую должно опираться всегда всякое народное собраніе при рѣшеніи дѣлъ своихъ. Члены Коммиссіи подняли брошенную имъ перчатку. Возраженія противъ состоятельности Подольскаго предложенія видимымъ образомъ падали и на нихъ. Это доказывается высказаннымъ самимъ докладчикомъ признаніемъ, что Подольское мнѣніе *) съ его огромнымъ большинствомъ послужило въ Коммиссіи путеводною нитью къ согласованію различныхъ мнѣній, внесенныхъ въ нее уѣздами. — Возражатель (Безобразовъ) говорилъ, что онъ самъ положилъ бѣлый шаръ при балотировкѣ Подольскаго мнѣнія, но что онъ выразилъ этимъ только свое сочувствіе къ необходимости предстательства пе-

*) Первоначальнымъ корнемъ котораго, замѣтимъ, несомнѣнно было мнѣніе Звѣнигор. Уѣзда. —

редъ Государемъ Императоромъ, а отнюдь не согласіе на всѣ подробности прошенія. Этотъ взглядъ онъ полагалъ себя въ правѣ почитать общимъ со многими членами дворянства, участвовавшими въ балотировкѣ.

Это вводное обстоятельство подало поводъ къ преніямъ о томъ, прошло ли Подольское мнѣніе черезъ предварительное обсужденіе въ уѣздахъ, и здѣсь-то выразилась вполнѣ разница между ходомъ дѣла по предложенію Безобразова и по мнѣнію Подольскаго Уѣзда. — Сторонники послѣдняго, Члены Коммиссіи, старались доказать переходъ его черезъ обсужденіе уѣздовъ, тогда какъ ихъ противники отрицали этотъ переходъ. Одинъ дворянинъ Серпух. уѣзда говорилъ, что онъ читалъ это мнѣніе въ Серпуховск. уѣздѣ; другой, напротивъ утверждалъ, что онъ этого чтенія никогда не слыхалъ. Одинъ Бронницкій дворянинъ объявилъ, что въ его уѣздѣ предложенія на обсужденіе этого мнѣнія никогда не было; нѣкоторые дворяне Моск. Уѣзда говорили тоже. — Все это доказывало или поспѣшность, допущенную при обсужденіи этого мнѣнія, или, даже, отсутствіе порядка въ уѣздныхъ совѣщаніяхъ и неопредѣлительность переданнаго на обсужденіе въ Уѣздные Столы предложенія. — Вообще замѣтимъ, что для большей состоятельности

рѣшеній, какъ при Уѣздныхъ Столахъ такъ и при Губернскомъ, мы нуждаемся въ руководствѣ, обязательномъ для всѣхъ Членовъ Собранія, которое, вѣроятно всѣ бы они неукоснительно приняли отъ попечительнаго о томъ Собранія Предводителей. — Не входимъ въ дальнѣйшія подробности объ этихъ преніяхъ. — Они кончились предложеніемъ Губернскаго Предводителя перейти къ слушанію доклада Коммиссіи. Онъ слушанъ былъ въ торжественномъ молчаніи.

Между объявившими себя, какъ возражатели, условлено было представлять возраженія не иначе, какъ по прочтеніи отвѣтовъ на всѣ 5 пунктовъ, солидарно сосредоточивающихся въ одной общей мысли, и предположено было повторять тѣ пункты, которые должны были подвергнуться возраженію. — Это поддержало тотъ порядокъ совѣщаній, который соблюденъ былъ во все ихъ продолженіе, не смотря на быстро смѣнявшіеся отзывы. Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о самомъ докладѣ Коммиссіи и его главной идеѣ; безъ того не такъ понятенъ будетъ и самый смыслъ преній.

Не знаю, какъ и какимъ порядкомъ выбирались, или назначались отъ уѣздовъ члены Коммиссіи. Кажется, при этомъ назначеніи, господствующею

идеею было образовать ее изъ самихъ составителей уѣздныхъ мнѣній, какъ способнѣйшихъ судей дѣла; но съ какимъ полномочіемъ эти выборные отправлялись въ Коммиссію, — это кажется осталось дѣломъ темнымъ и по нынѣ; ибо, какъ мы увидимъ, изъ этого обстоятельства вышло важное недоумѣніе при заключеніи дѣла. Когда началось чтеніе доклада, то никто, кромѣ вѣроятно посвященныхъ, не зналъ даже, въ какихъ предѣлахъ и особенно съ какою цѣлію будутъ допущены возраженія т. е. будетъ ли рѣшеніе Коммиссіи окончательнымъ выраженіемъ Собранія по 5 вопросамъ, или это рѣшеніе, послѣ имѣвшихъ быть преній, подвергнется снова суду Собранія черезъ балотировку. Послѣднее предположеніе, казалось, одно могло быть принято за раціональное; ибо первое представляло бы примѣръ, кажется, небывалый въ лѣтописяхъ совѣщательныхъ собраній; т. е. выраженіе общаго мнѣнія черезъ рѣшеніе приготовительной Коммиссіи. Вышло напротивъ. Если предположить, что полномочіе уѣздовъ назначеннымъ отъ нихъ Членами Коммиссіи состояло въ безусловномъ преданіи на ихъ судъ 5 вопросовъ, то, за тѣмъ, не слѣдовало допускать возражателей; ибо мнѣнія частныя не могли уже измѣнить общепринятаго

начала, а развѣ толко въ робкихъ совѣстяхъ поколебать вѣру въ его основательность.

Какъ бы то ни было, но докладъ Коммиссіи былъ прочтенъ.

Въ немъ изложены были отвѣты на всѣ 5 вопросовъ. Предполагалось ходатайствовать у подножія Престола о составленіи новой Коммиссіи, которой бы ввѣренъ былъ трудъ развить начала, принятыя за основаніе прочтеннаго доклада и о созывѣ всѣхъ сословій для окончательнаго обсужденія по тѣмъ вопросамъ, которые касались до интересовъ общихъ всѣмъ сословіямъ. Мы думаемъ что мнѣнія, какъ Безобразова, такъ и Подол. Уѣзда, а слѣдовательно, и самой Коммиссіи во многомъ представляли разительное сходство; но заключенія того и другаго предложенія совершенно были различны. Безобразовъ предлагалъ соображеніе всѣхъ собранныхъ данныхъ предоставить выборнымъ отъ дворянства, а Коммиссія находила нужнымъ будущую Коммиссію составить изъ соединенныхъ сословій. — Не входя здѣсь въ разборъ этихъ мнѣній, мы заключимъ тѣмъ, что таковы были начала, во имя которыхъ ратовали передъ Губернскимъ Собраніемъ явившіеся на поприще состязанія, и что даннаго нами о нихъ общаго понятія достаточно, чтобы сдѣлать по возможности яснымъ ходъ совѣщаній.

Видимымъ образомъ составители доклада ждали возраженій. — Гр. Орловъ-Давыдовъ, прежде всѣхъ, еще во время самаго доклада, просившій позволенія говорить, — вызванъ былъ на состязаніе. Имъ изложены два мнѣнія: одно — по вопросамъ о пересмотрѣ Устава, о правахъ дворянства и о земскихъ повинностяхъ; — другое — по вопросу о Земскихъ банкахъ, или вообще о кредитѣ. — Въ первомъ мнѣніи, онъ рѣшительно отвергалъ настоятельную потребность совокупнаго всѣми сословіями обсужденія сословныхъ правъ и обязанностей; во второмъ, излагалъ мѣры, по мнѣнію его, долженствующія способствовать къ поддержанію цѣнности бумагъ, которыми предполагается совершить выкупъ крестьянами ихъ надѣла и къ скорѣйшему и удобнѣйшему осуществленію проекта этого выкупа.

Строгое, сдержанное отъ всякихъ порывовъ страсти изложеніе, и сильное убѣжденіе въ принципахъ были отличительными признаками рѣчи оратора и привлекли вниманіе и одобреніе многихъ изъ членовъ.

Г. Безобразовъ въ краткомъ, но сильномъ возраженіи, возсталъ также противъ необходимости сліянія сословій, и твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, отвергая всякую идею о представительствѣ, какъ

противоположную нашей Правительственной системѣ; находилъ, что дворянство, въ настоящемъ своемъ положеніи, соединяющее въ себѣ всѣ элементы Государственной жизни, одно можетъ быть призвано къ предположеннымъ совѣщаніямъ.

К. Щербатовъ, членъ Коммиссіи, возражалъ ея противникамъ. Импровизація его была горячимъ выраженіемъ одушевлявшаго его чувства. Онъ призналъ себя за проводителя мысли о совокупномъ разборѣ дѣла всѣми сословіями, какъ въ предварительныхъ совѣщаніяхъ по уѣздамъ, такъ и въ Коммиссіи. — „Я не желаю — сказалъ онъ съ жаромъ — самоуничтоженія дворянства; ибо, съ одной стороны, оно вело бы къ абсолютизму, а, съ другой, къ республикѣ; а я ни того, ни другаго, не хочу!“ Громкія рукоплесканія раздались при этихъ словахъ, произнесенныхъ съ чувствомъ благороднаго убѣжденія. — За тѣмъ послѣдовали дробныя пренія о главной мысли, составлявшей всю сущность состязанія, въ которыхъ мы замѣтили особенно сильное, но съ достоинствомъ выдержанное противоборство Г. Г. Бутурлина, Безобразова, Наумова и Жеребцова.

Не имѣя подъ руками ничего писаннаго и безъ пособія стенографіи, способствующей въ подобныхъ случаяхъ уловленію всѣхъ оттѣнковъ вы-

раженія и мысли оратора, мы говоримъ съ помощію памяти и того глубокаго впечатлѣнія, которое произведено на насъ этимъ небывалымъ у насъ состязаніемъ. Мы, можетъ быть, передали слышанное нами не со всею точностію, съ какою слѣдовало бы возпроизвести все сказанное, вполнѣ заслуживающее вниманія; но увѣрены, что въ изложеніи нашемъ не искаженъ существенный образъ мыслей говорившихъ.

Всѣ, читающіе насъ, спросятъ: какое же было заключеніе? Г. Губерн. Предводитель предложилъ Собранію о закрытіи совѣщаній и о намѣреніи своемъ представить кому слѣдуетъ докладъ Коммиссіи. — Кн Львовъ, отъ имени своего и другихъ членовъ, просилъ Г. Губ. Предводителя добавить въ сказанномъ представленіи о желаніи дворянства, чтобы имѣющая быть составленною (если на то послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе) новая Коммиссія не обязана была стѣсняться началами слушаннаго доклада, дабы, пользуясь продолжительнѣйшимъ, ей даннымъ временемъ, она могла зрѣлѣе обдумать всѣ обстоятельства, на обсужденіе ея предложенныя. — Г. Губ. Предводитель согласился на это, равно какъ и на приложеніе особыхъ мнѣній, по докладу представленныхъ.

Изъ предыдущаго ясно видно, что это блистательное засѣданіе, выяснившее вполнѣ готовность Русскаго дворянства и умѣнье его съ достоинствомъ содѣйствовать исполненію благонамѣренныхъ цѣлей Правительства, не менѣе того, представило къ сожалѣнію рѣшительный характеръ недоконченности и отсутствія всякаго положительнаго результата.

Спросимъ: отъ чего? Не входя въ домогательство отысканія причинъ, не ясно высказавшихся, отвѣтимъ: — Надъ этимъ засѣданіемъ, какъ и надъ всѣми предшествующими, висѣлъ Дамокловъ мечь 15ти дневнаго срока, назначеннаго Уставомъ о выборахъ, и вспомнимъ съ одобреніемъ мнѣніе дворянъ одного изъ уѣздовъ Моск. губерніи, собранныхъ 16го Декабря для совѣщанія о 5ти вопросахъ, съ обязанностію представить свое мнѣніе къ 20му Декабря, т. е., черезъ три дня, и отвѣчавшихъ, „что имъ для этого не достаетъ ни времени, ни данныхъ.“

Москва, 24го Января 1862го г.

Сочиненія Н. А. Безобразова:

ДВѢ ЗАПИСКИ

ПО ВОТЧИННОМУ ВОПРОСУ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

И

ОБЩИМЪ ЗАКЛЮЧЕНІЕМЪ.

1859. 1 vol. 18. 24 Sgr.

ПО ВОТЧИННОМУ ВОПРОСУ

МНѢНІЕ И РАЗВЯЗКА.

1860. 1 vol. 16 Sgr.

О СТАРОМЪ И НОВОМЪ ПОРЯДКѢ

И

ОБЪ УСТРОЕННОМЪ ТРУДѢ

(TRAVAIL ORGANISÉ)

ВЪ ПРИМѢНЕНІИ

КЪ НАШИМЪ ПОМѢСТНЫМЪ ОТНОШЕНІЯМЪ.

1863. 1 vol. 5 Sgr.

DE

L'EXPROPRIATION

DES

BIENS PRIVÉS

Pour cause d'utilité publique.

1860. 1 vol. 8. 10 Sgr.

ПРЕДЛОЖЕНІЯ ДВОРЯНСТВУ.

1862. 1 vol. 20 Sgr.

Publications de la Librairie **B. Behr (E. Bock)** à Berlin, 27, Unter den Linden.

ТРИ ПАРТІИ,

МЫ НА ПЕРЕПУТЬИ

1860. 1 vol. 12. 20 Sgr.

СПОСОБЫ

РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

ВЪ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

1862. 1 vol. 12. 8 Sgr.

НЫНѢШНЕЕ

СОСТОЯНІЕ РОССІИ

И

ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

1860. No. 1—7. in 8. 1⅙ Thlr.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

МЕНЩИКОВЪ И ЛЕЙБНИЦЪ.

1861. 1 vol. 8. 10 Sgr.
